

О СМЫСЛОВОМ МНОГОЗНАЧНОСТИ БАЗОВЫХ МОНГОЛЬСКИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

Изучение монгольской музыкальной терминологии представляет собой одну из наименее разработанных областей в мировом монголоведении.

Задачей настоящей статьи является привнесение в область исследований монгольских музыкальных терминов системного подхода, позволяющего рассматривать предмет изучения в качестве органического элемента культуры, соотношенного со всем комплексом факторов, составляющих специфику данной цивилизации. Для практического воплощения этой общей установки избраны несколько базовых терминов монгольской музыки, семантический анализ которых представляется наиболее показательным в решении поставленной задачи.

Отталкиваясь от наиболее общего для мировой музыкальной практики понятия "звук" и в значительной степени менее универсальной категории "музыка", нельзя не отметить, что своеобразие соотношения между этими двумя понятиями в музыкальном мышлении монголов в огромной мере определяется присущим данному обществу кочевым типом культуры. Будучи феноменом высоко культивированным, эмпирически выверенным и многосторонне осмысленным, звук, характеризующий музыкальное мышление кочевника, воплощает в себе, как правило, не столько заметное во многих культурах стремление человеческого духа оторваться от первозданного естества, в чем-то превзойти природу, воспарить над ней, сколько, напротив, своеобразную ностальгию по ее некогда покинутому материнскому лону, поиск

идеальной созвучности струн человеческой души общей начальной гармонии мира. Думается, что именно этим оказалась обусловленной такая специфическая для данной культурной ситуация, при которой оппозиционный характер парности "звук-музыка" проявился с особой очевидностью, причем, "музыка" в этой оппозиции нередко получает статус вторичного явления по отношению к звуку. Звук не предстает здесь отнюдь не элементарным "кирпичиком", используемым для создания музыкальной ткани, а законченным, самостоятельным продуктом культуры, источником и средоточием практически тех же самых качеств, которые раскрываются и в музыке, но уже в некоем временном континууме.

Именно на примере монгольской культуры лучше может более наглядно, чем в других регионах, проявиться особенность звука как полноценного экзепрезивного средства, равноправного музыке, которая основана на неких ритм-логических, линейных закономерностях. Функциональная многозначность звука в культуре монголов, его способность служить своеобразным "генетическим кодом" цивилизации или, говоря иначе, "моделью мира", порожденной традиционным сознанием центральноазиатского кочевника, нашла отражение и в терминологическом блоке, окружающем понятие "звук". В монгольском языке существует несколько обозначений данного явления¹: дуу(н) - "звук, звон, голос, песня"; хөг - "звук, гармония, настройка"; анир (аниа, амна, авна) - "звук, шум, гул; эхо, отголосок"; эгшиг - "музыкальный звук, благозвучие, мелодия, песня"; чимээ(н) - "шум, звук, молва, слух". Хотя в некоторых случаях возможна взаимозаменяемость указанных терминов, их употребление в качестве синонимов, применение парных сочетаний вроде анир чимээ, хөг дуу и т.д., все же за каждым из них стоят совершенно конкретные, специфические

смыслы, определяемые древними корнями слов, их историческим развитием, сложно сочетающимися коннотациями. В целом приведенные термины, характеризующие понятие "звук", по своему происхождению и оттенкам значений могут быть распределены по трем группам. К одной из них относятся слова, практически не употребляемые непосредственно по отношению к звукомузыкальным явлениям, а скорее характеризующие звук как физико-акустический феномен. Это восходящие к древнему корню "аа < ай (ау)" термины амир, авиа, амиа, чаще всего употребляемые в паре с чимээ. Исследование возникающего вокруг данных терминов комплекса слов и выражений в настоящий момент лежит за пределами нашего специального интереса, хотя оно, несомненно, привело бы к любопытным находкам, так как указанные слова сцеплены своими корнями с такими основополагающими понятиями человеческого бытия и сознания, как аамь (аамин) - "жизнь, существование, душа, судьба, дыхание, суть, существо" (ср. лат. anima - "душа"), а также ам(ан) - 1. "рот, уста, губы; 2. слово, язык, речь; 3. дыра, отверстие", амар - "спокойствие, благополучие"; амгалан - "мир, покой, благоденствие"; амраг - "любовь, любимый" (ср. лат. amor, фр. amour и т.д.). Совокупность значений, которыми оказывается наделенным корень ам, неизменно возвращает нас к представлению о человеке, а в тех случаях, когда данный корень лежит в основе обозначений звуковых явлений, их сущность как бы подсознательно связывается с тем, что человеком производится или воспринимается.

В область словесных определений звука-музыки корень аа(ай) проникает со значением звука, определенным образом упорядоченного, культивированного, согласуемого с понятием аа - "положение, обстоятельство, способ, характер, обыкновение, обычай", ср. бур. аянга, аялга

"привычка, манера, привычное поведение". Производными от корня ая, выражающего представление о неких положительных, приятных для восприятия свойствах вещей, служат, в частности, слова аяар - "тихо, негромко"; аятай - "приятный, удобный, уютный" и др.

Слово ая в значении "звук" (с оттенками согласия, гармонии) используется редко, в большинстве случаев отесняясь терминами второй и третьей группы, то есть дуу, хөг (если речь идет о музыке) или от него же производными айма, айна, авиа, анир, но зато широко применяется в значениях "мелодия", "мотив", "напев". По свидетельству С.Ю. Неклюдова (личная беседа 20 октября 1989 г., Улан-Удэ), восточномонгольские сказители Чоинжор и Самбуудаш, давая информацию о записанных от них сказаниях о Тэсэра, словом ая называли характерные мелодические образования, клише, закреплённые за определенными ситуациями или героями [Об этом см. в, 93-113]. Корень ая, наконец, входит в некоторые обозначенные стилистические понятия: аяадовано - связанное с суждением временной или личностности: аялах (дуу аялах) - "напевать мотив, запевать песню"; аялан уншик - "декларировать, начать нараспев"; аялга - "мелодия, мотив"; аялгуу - "мелодия"; ср. бурят. аялгалха, аялгалха - "напевать". Интересно, что в тех областях человеческого самовыражения, которые связаны с голосом (речь, поэзия, музыка), можно встретить параллельное использование производных от корня ая терминов: аяс - "intonация"; аялга - "возглас" (грам. междометие), ацент"; аялгуу - "1. возглас; 2. лингв. наречие, диалект"; аман аялгуу - говор; 3. произношение; аяа (бааринск., коринск) - "запевать, начинать говорить".

Специальное внимание следует уделить термину айзам, используемому в сочетании айзам уртын-дуу. В образовании слова айзам участвовали два корня: аяй - "звук, гармония,

согласие и т.д." и зам - "дорога, путь". Подобное сочетание представляется нам глубоко закономерным, так как в традиционном сознании монголов существует отчетливая аналогия между музыкальным построением и дорогой, движением. Собственно, для кочевника движение лежит в основе любого способа освоения вселенной, будь это складывание представления о пространстве путем его "прохождения" или времени - путем его "проживания", заполнения какой-либо деятельностью. Категория движения в культуре кочевого типа существенно влияет на закономерности организации музыкальных текстов, а зачастую становится одним из основных критериев в оценке красоты, правильности, гармоничности звуковых явлений. Исследователи монгольской культуры постоянно отмечают, что сказители любят называть свой музыкальный инструмент конем, звуковое построение - дорогой, напевное исполнение сказа в сопровождении инструмента - конным, в разговорной же манере - пешим и т.д.

Отмеченная связь категорий "музыка" и "движение" проявляется даже во внутренней структуре слов, определяющих различные аспекты этих понятий, в созвучности, фонетическом подосновии их корней. Так, термин аялах - "напевать, запевать", имеет также значение "отправляться в путь, путешествовать" (от "аян" - путешествие, караван, поход, дальняя дорога). Что касается термина "айзам", то, на наш взгляд, айзам: уртын-дуу представляют собой наиболее классическую разновидность уртын дуу, отличающуюся сложной грамматической моделью, поэтическим совершенством и изощренной техникой исполнения.

Исторически сложилось так, что термин ая не занял основополагающей позиции в монгольской музыкальной терминологии, оставшись на втором плане по сравнению с двумя другими обозначениями музыкального звука - дуу и хөг.

Каждое из этих понятий является родовым для обширных комплексов слов и выражений, уходящих своими корнями в лексиче-скую древнюю бытовую и культурную практику кочевого общества и образующих вокруг этих корней целые гнезда близких по тем или иным признакам словосочетаний. Одной из характерных черт монгольских терминов, соответствующих понятию звук, является их многозначность, проявляющая себя двояко: в плане обозначения одним и тем же словом различных явлений в специальной сфере употребления, то есть в области музыкальной культуры, и в плане исторического напластования коннотативных связей этих слов. Многие специалисты в области языкознания в качестве своеобразной характеристики термина называют его однозначность, считаясь порой одним из обязательных признаков термина. Однако в области монгольской музыкальной терминологии, как отмечает специалист и автор введения Г. А. Воробьева, "многие термины имеют не только прямое значение в музыкальной терминологии". "Иногда термин в языке, — пишет ученый, — это вообще термин не только член определенной терминологической системы. В конечном счете он принадлежит языку в целом. Поэтому несмотря на специфику функционирования термина, особенно если он однословный, может обладать словом многозначности" [15, 6]. Нам видится и другая сторона отмеченной полисемии терминов иду и хет: разнообразие содержания, вмещаемых в эти знаковые формы, позволяет с наибольшей точностью отразить все оттенки их специальных значений.

Учитывая малый объем данной работы, мы вынуждены в значительной степени схематизировать наши рассуждения и рассматривать сопоставляемые термины с точки зрения условно выявленных взаимосоприкасающихся блоков специальных и общеязыковых значений, заключенных в образующих эти термины корнях. Фактом, заслуживающим внимания, по-

казалось нам то, что группы слов, сформировавшихся на основе каждого из указанных корней, соседствуют практически во всех блоках, как бы взаимодополняя друг друга и перекрывая в общей сложности целый комплекс основополагающих понятий традиционной системы мировоззрения монголов. Вместе с тем существует и принципиальное смысловое различие этих корневых систем, которое, вероятно, и объясняет их равноправное функционирование в языке.

В анализе музыкальной терминологии, которая является одновременно элементом двух сфер жизнедеятельности цивилизации - музыкальной культуры и языка - нельзя обойти как процесс развития музыкального мышления данного общества, так и знание суффиксальных приемов и норм. Все чего многие явления в терминологии просто не имеют. Так, отсюда берет свое начало слово буца - конь.

Возможно прийти к довольно далеким сопоставлениям, объясняя не только смыслы буца и буца слов, но и определенно-

внутриязыковые закономерности. Так, нам неоднократно придется предполагать в отношениях между словами помимо чисто внешнего, обусловленного сходными подэтимологическими психоэмоциональными предпосылками, фонетического подобию и такое явление в монгольских языках, как внутренняя флексия [Ом. 4; 4; 3], которая наряду с агглютинацией играет весьма существенную роль в словообразовании, схватывая весьма широкий круг корней слов.

В.И.Владимирцов, одним из первых оценивший значение флексии в монгольских языках, полагал это свойство ограниченным пределами чередования гласных заднего и переднего ряда "при помощи которого монгольский язык производит различие по родам" [4, 188]. Последующие исследования, однако, показали, что в такой же мере могут чередоваться и гласные одного ряда, и согласные, что в целом составляет довольно пеструю и в то же время четко

организованную картину созидательного процесса в языках данного ареала, рисуящую множество смысловых вариаций в группах слов.

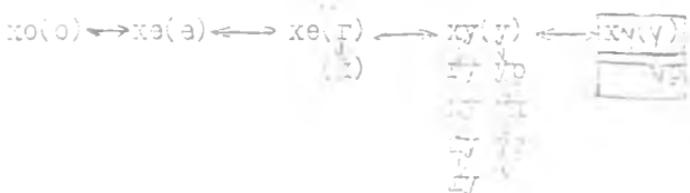
Так, Т. А. Бертагаев приводит многочисленные примеры чередований фонем, дифференцирующих значения слов, отмечая наиболее распространенные переходы гласных и согласных [3, 91-96]. Помимо этого, им рассматриваются и такие случаи, когда в группе слов происходит чередование нескольких фонем, в результате чего на скелет из наиболее константных согласных или гласных нарабатываются целые гнезда слов с неким общим корневым значением [3, 93-97]. "Все чередующиеся гласные фонемы, - пишет ученый, - очевидно, были некогда вариантами одного гомогенного ряда, близкородственными по дифференциальным признакам и имевшими больше сходных, чем различительных признаков" [3, 97-98].

Сопоставив наложенные в лингвистических работах выводы с информацией, полученной в личном беседах с учеными - монголоведами, монгольскими педагогами, просто людьми преклонного возраста, владевшими старомонгольской письменностью и помнящими ушедшие из живой практики смыслы многих слов, мы сочли возможным объединить под знаком двух базовых терминов монгольской музыки дуу и хег многочисленные группы слов, в смысловом и конструктивном плане связанных с этими терминами и в совокупности расширяющими их многозначность. Так, от слова дуу, по нашему мнению, возможно проведение сопоставлений слов со следующими корнями:

$$\begin{array}{cccc}
 \text{до(о)} & \longrightarrow & \text{де(е)} & \longrightarrow & \text{ду(у)} & \longrightarrow & \text{д' (')} \\
 \text{то(о)} & & \text{те(е)} & & \text{ту(у)} & & \text{т' (')}
 \end{array}$$

Связи слова хег представляются нам более сложными, обусловленными не только чередованием гласных и соглас-

ны в морфях, но и выпадением минимальным согласных:

Первый семантический блок условно сгруппирован нами вокруг наиболее абстрактного понимания звука как универсального явления. Особенно употребителен в этом смысле термин дуу, "являющийся, впрочем, таковым лишь в рамках определенной гермнологической системы, а за ее пределами детерминирующийся. Под словом "дуу" подразумеваются, в частности, особое звучание, источник которого или его качественные характеристики уточняются отсутствием слова или присоединением к морфе аффиксов, напр., "дуу тарак (дугтарак)" - издавать звук, звенеть; мангинак дуу - "звон"; "дуу авалмак" - переключаться; "дуу тавик" - поднимать крик; каштарак дуу - крик; "дуу кевзел" - помахивать, звенеть; ср. бурят. дуу, дуу, дуу - "ран, шум" [3, 147]; мангрийск дуу - шум; дуграк - подражать; ср. бурят. дууракша, дууракша [3, 173]; дуурсак - предмет; дуу дуу - "мелодичный звук флагозвукичного голоса"; саргва дуу - "сильный, крикливый голос"; дууриан - "эхо, оплетня"; дууриан - "эхо, звук"; дуурак - "читать, произносить"; дуудлага - "произношение"; и т.д.

Учитывая упоминавшееся выше явление внутренней флексии гласных и согласных выстроим еще один ряд: дунгонок - "гудение; гудеть, глухо греть, издавать глухой звук, раздаваться гулко"; дундох - "бормотанье"; дун дан хийх - звукоподр. греть; дунгэр - "гул, гуденье, шаманский бубен"; дунгэх - "продолжительный звук"; донгодох "куковать, петь, чиркать, ворковать"; донго-

сох - "ворчанье; болтать, пустословить"; доргио - "грохот, дребезжание, гул (от топота стада); ср. бурят. "доолгоон" треск, шум [3, 93]; бурят. "тцэргэхэ", "түэ-рэхэ" - грохотать, шуметь [3, 178]; зап. бурят. "түрэ-хэ" - грохотать [3, 155].

Для нас наиболее интересны обозначения явлений, связанных с человеческим голосом. Само понятие "голос" в обычной речи часто передается словом дуу ("чанга дуу-таар машираа - "кричать во весь голос", дуутаа чан-патраа - "повышать голос" и т.д.).

Вместе с тем термином "дуу" передается понятие "песня", вошедшее как в разговорный обиход, так и в специальную литературу. Известна обширная номенклатура разновидностей вокально-поэтических жанров и форм, обозначаемых при помощи этого термина: уртын-дуу (так называемые протяжные песни), богино-дуу (короткие песни), мулчун дуу (старые песни), алдуу дуу (мелодичные песни), эргэн дуу (широкие песни), хөдөлгөрлөн дуу (трудовые песни), шашир дуу (религиозные песни), завнал дуу (летнополенные песни), и т.д. Вероятно, произошло естественное разделение семантических вариантов термина: в той области, где наиболее предшественными оказалось употребление "дуу" в значении "песня", понятие "голос" чаще выражается словом хоолой (нарийн хоолой - высокий голос, аргил хоолой, сүдүүн хоолой - "низкий голос"), в остальных же сферах языка практически на равных правах используются все значения слова дуу: "голос, звук, песня, напев".

В отличие от "дуу", термин "хөг" сам по себе как бы более абстрагирован от человека как источника звучания, его основное содержание как музыкального понятия - "строй, настройка, гармония, стройность звучания"; хөгдөх - "настраивать музыкальный инструмент", хөг нийлэх

- "ансамбль" и т.д. Именно от этого корня произошло слово кетким - "музыка, музыкальный инструмент, оркестр", а также производные от него кеткишек - "играть на музыкальном инструменте, исполнять музыкальное произведение; кеткишин - "музыкант" и т.д.

Склонны предполагать, что еще один термин, обозначающий звук, причем именно в области музыкальной практики и лингвистики "эгшиг" - также сцеплен своим корнем с термином "хөг" (если принять версию о выпадении инициальной согласной, возможности весьма распространенной в монгольском языке замены внутрикорневого "э" на "э" и добавлении частицы "шиг" со значением: подобия). Из всех рассматриваемых нами терминов "эгшиг" по существу является едва ли не единственным, отвечающим всем требованиям, предъявляемым к термину в его строго научном понимании, так как его характеризует однозначность употребления, функционирование в узком профессиональном слове и т.д.

Второй блок слов, связанных с широким звуком-музыкой и имеющих основу, близкую корням "хөг" ("хе ") и "дуг", образуется вокруг значений звука как физико-акустического феномена. Бряд ли можно считать случайностью широкое использование данных корней (или их фонетических вариантов) в тех случаях, когда речь идет о каком-либо буквальном или потенциальном источнике звука или о тех явлениях физического мира, которые изначально связаны со звуком (вибрация, колебания и т.д.). Можно, например, сравнить такие слова, как доргилох - "вибрация, вибрировать, трястись" и хөвөлзөх - "колыхаться, качаться", дордлох - "волнение; вздрагивать, содрагаться, сотрясаться, биться (о сердце); хөдлөх, газар хөдлөх - "землетрясение"; донслох - "трястись, беспокоиться, тревожиться"; "доргио" - "сотрясение, дрожание"; Ср. в бурят. дэл-элгээн "сотрясение, шумный сполох", дөлөлгөөн - "воз-

буждение, переполох" [3, 92]; дополоон - "треск, шум", дөһөлгөөн "суматоха, шум"; зап. бурят. дөһөлгөөн - "сотрясение. шум", дополоон - "сильное сотрясение, землетрясение" [3, 93].

Существуют также слова, близкие по значению упомянутым, но восходящие, в свою очередь, к корням "дуо" түүс тө түүтү: тевек(х) - "горлань", түүгэн. О выдающихся певцах уртин-дуу, достигших исключительного качества звучания говорят: "У него хороший түүгэн".

Те же корни могут быть отмечены и непосредственно в названиях монгольских музыкальных инструментов куур (корин-куур), цуур, экигээр, возможно, есть определенная связь ~~между~~ этими названиями и понятием "туургаан" - лопая труба, "хеерэг", "хуучир", "дуудраг", "дуи" и т.д.

Монгольским исследователем А. Вадраа [29, с. 490-491], ссылается на целый ряд источников, в том числе работы Т. Балрама, Я. Неплюе, О. Кюмбе, Т. Дёрнера и др., указывает на этимологическое родство некоторых монгольских и существующих в других языках названий музыкальных инструментов, таких, как куур, коомэ (куоос, куомэ, ко-буэ, куамэ, кокуэ, кокуэ, комяк, комыэ), хеерэг, хэигээрэг, кулмуу (кухиоу), кударга, товцуур и т.д. [1]. Причем, одну из причин подобного родства ученые объясняют заложением в корнях "не" ~ "хе" ~ "ху" ~ "гу" изначальным значением движения, деятельности, что, подтверждается с одной стороны, существованием вокруг данных корней довольно большого гнезда слов с указанными значениями, а, с другой, - ясно ощущаемой во многих явлениях традиционной монгольской культуры взаимосвязью категорий движения и звучания. Примеры здесь многочисленны, приведем лишь некоторые из них: хедлел - "движение", хедлгөө(н) "движение, деятельность", хедлмөр "тру", хөгжил "раз-

не звуковых сочетаниях. Любопытно, что своеобразный "словарь" этих зовов един практически по всей Монголии: в каждом кочевьи можно услышать, как криками "тойг! тойг! тойг!.." хозяева собирают своих овец, ... "гуруй!.." - коней, "хеес..." - верблюдов, "еэв..." - коров и т.д. Подобные возгласы нашли отражение в словарях в виде разнообразных междометий: - "хех" - возглас, которым понукают коров и верблюдов, "хеэг" - возглас, которым подгоняют караван, "туу!" "дуу!" - резкий окрик на животное (собаку).

Более или менее полная номенклатура возгласов, традиционно используемых скотоводами, равно как и разнообразные звукоподражательные слова ("дон дон хийггах" - тренькать, "хүнгенех" - гудеть, говорить басом, "түс" - громкий звук при падении тяжелого предмета и др.) кажутся нам по-своему показательными в понимании той или иной звуковой структуры изучаемых терминов. Эне Т.А. Бертагаев отмечал, что "междометия не имеют эмоции, а выражают их", "являются знаками разного рода эмоций" [3, 112]. "Изобразительные слова, особенно звукоподражательные, также не обладают функцией номинации. Они имитируют или в акустических образах слова воспроизводят натуральные звуки или зрительное ощущение субъекта. И каждое такое слово, не смотря на это, передает какое-то значение" [там же].

Быть может, особая призывная сила звуко сочетания "дуу" и послужила причиной того, что именно с этим корнем связаны слова, обозначающие обращения к духам предков, взывания к силам природы в шаманской обрядовой практике, как известно, играющей важнейшую роль в мировоззрении монголов. В этой области накоплен огромный массив слов, привести который полностью не представляется возможным; среди них, например, "дуулах" - звать, вызывать, "дуудлага" - призыв, "беэгийн дуудлага" -

вызывание духов шаманом, "дуудах авла" - зов, "дуул-тах" - ставить в известность, сообщать, информировать, "дурдагта" - обрядовое призывание духов в бурятском шаманизме [9, 46] и длинный ряд шаманских терминов, суть которых сводится к обращению человека к потустороннему миру. В этой связи мы склонны трактовать и первоначальное значение термина "дуу" как зов, вызвание, призывание, обращение к духам предков, что в свою очередь ведет к уточнению понимания этого слова в таком сочетании, как "уртын-дуу".

Обращает на себя внимание, в частности, тот факт, что в одном из средневековых памятников монгольской письменности "Алтан товч" для разъяснения выражения "их яруу", под которым подразумевается обряд обращения к предкам, в старинной рукописи использована глосса "Инаду" (то есть "дуу"). На наш взгляд, существует несомненная связь между древним образом звавания к предкам и жанром уртын-дуу, но именно на той основе, что данный жанр зародился в обрядовой сфере культа предков, где формировалась его музыкально-грамматическая база. При этом было бы, однако, неоправданно упрощением объяснять обряд "их яруу", так же как и уртын-дуу при помощи значений "мелодия" или "песя". Этому мешает не только смысловая многозначность термина "дуу" и его явное тяготение к шаманской лексике, выработанной в сфере культа предков, но и возможность трактовать термин "уртын" не просто как характеристику пения в уртын-дуу как очень долгого и протяжного (от "урт" - длинный, долгий), но как указание на особую значимость и грамматичность высказывания, на высокий уровень художественной "выделенности" его звуковой ткани. Поэтому вряд ли имеет смысл переводить название жанра "уртын-дуу" на другие языки, так же как и аналогичные выражения в родственных языках: "узун-кай" в башкирском, "узун-кый" в казахском,

"уул-кава" в турецком т.д.

Корень "дуу" воплощает и такую характерную черту традиционного сознания монголов, как почитание предков, ориентация на образцы прошлого, что нашло отражение в понятиях "дурагал" - память, воспоминание, "дуурнал" - подражание, образец, пример, "дуурвил" - важное, значительное, "түг(ик)" - история, историческое повествование, легенда, "дуул" - повесть, "домог" - легенда, сказание, притча, "дууль" - эпическое сказание, эпоса "үлгер" - улигер, сказка (в монг.), сказание (в бурятск.), "дуурьсгал" - слава, известность.

В связи с выявленной многозначностью внешнеки монгольских (буриятских) терминов, из всего множества синонимов отглагольных в данной работе рассмотрено далеко не все, хотелось бы подчеркнуть, что многозначность, расплывчатость восприятия как одной явления, дуулам, так и их языковых эквивалентов - при сравнительно немногочисленности и тем, и других - представляется характерной цивилизационной чертой, отражающей сложность данного общества копировать в отдельные элементы своей культуры целостную систему связей представленной о мире. Иначе говоря, такие термины, как дуу, хэл, ян, уртин-дуу и др. могут рассматриваться в качестве своеобразных "ключей" и закодированными в звуках "моделей мира", сочетающими в себе многие стороны цивилизации Центральной Азии в целом и традиционного мышления монголов в частности.

Примечания

1. В работе использованы материалы словарей И. Дэвэла [14], А. Лувсандэндэва [9], Ш. Лувсанвандана [15], ряда диалектологических и терминологических исследований [2; 3; 4; 7; 10; 11]. Основной массив охваченной лекси-

ны извлечен из современного Литературного монгольского языка, однако, отдельные примеры позаимствованы из различных диалектов монгольского или родственных ему языков (калмыцкого, бурятского). В ряде случаев могут также возникать параллели с тюркскими и другими языками алтайской группы.

2. Видный венгерский языковед, сторонник алтайской теории Л. Дигети отмечает: "Тюрк. *ayuz* "рот"... - производное от слова *ay* "отверстие". Равным образом и монг. *awul* "рот" является производным; оно неотделимо от монг. *awuqa* - *uq* - "открываться, раскрываться" [7,

3. Ср.: "хүрээ(н)" - круг, ограда, стан, крупный монастырь, "хорог" - фигура в виде круга с радиальными спицами; "дугариг" - круг, круглые; "дуган" - храм; "дугараа" - круговая чаща, оратина; "хөөрөг" - табакерка, которой монголы по традиции обмениваются при встрече, а при обмене большого числа участников беседы передает по кругу в знак всеобщего расположения.

Литература

1. Берлинский П.М. Монгольский певец и музыкант Ульд-зуй-Дубсан хурчи. - М., 1933.
2. Бертагаев Т.А. Количественные чередования гласных и аблаут в монгольских языках // Вопросы языкознания, 1971, № 6.
3. Бертагаев Т.А. Морфологическая структура слова в монгольских языках. - М., 1969.
4. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика, - Л., 1929.
5. Калмыцко-русский словарь. Под ред. Б.Г.Мунлева. - М., 1977.

6. Кондрачев С.А. Музыка монгольского эпоса и песен. - М., 1973.
7. Лигети И. Алтайская теория и лексико-статистика. // Вопросы языкознания, 1971, № 3.
8. Мухометов И.Х. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины: опыт аналитической интерпретации. - М., 1984.
9. Монгольско-русский словарь. Составитель: А.Дувансандова. - М., 1957.
10. Нурбеев Т.Д. Современная монгольская терминология (лексико-этимологические процессы и деривация). - М., 1984.
11. Нурбеев Т.Д. Функциональное чередование звуков в монгольских языках // Вопросы языкознания, 1975, № 4. - С. 10-11.
12. Олиферов В.И. Монгольская народная музыка. - М., 1957.
13. Олиферов В.И. Монгольские народные песни, с их ритмом и мелодикой. // Вопросы языкознания, 1975, № 4. - С. 10-11.
14. Монгол хэлний тусгай галбар тусгай. Сонирхон А.Новад. - Улаанбаатар, 1988.
15. Орос-монгол ноль. Ред. П.Дувансандова. - Улаанбаатар, 1988.

П.А.Дузьменков

ВАРИАНТ РЕКОНСТРУКЦИИ ДРЕВНЕМОНГОЛЬСКОГО КОРНЯ СО ЗНАЧЕНИЕМ "ЧЕЛОВЕК"

Ст.-письм. форма *kuimča* "человек" - одна из самых архаичных среди всех соответствующих форм, диалектных и

письменных, иновых и старых. Однако непосредственное возведение от совр., например, халх. $\chi\ddot{u}n$, через срм., например, ИИ $\chi\ddot{u}'n$, к ст.-писм. $\chi\ddot{u}n$ представляется сомнительным из-за необходимости допустить развитие $\chi\ddot{u} > \chi$. Выпадение интервокального согласного -л- типично не только для монгольских языков, но и для всего восточного центрально-азиатского ареала, причем многие из там называемых алтайских языков, которые с глубокой древности находятся в контакте, имеют характер перманентного, то более, то менее тесного языкового союза.

Если отвергнуть развитие $\chi\ddot{u} > \chi$, то остаются две гипотетические возможности: 1/ существование переходная форма ИСИ ($\chi\ddot{u}n$), где \ddot{u} - согласный, способный выпадать перед долгим или ударным гласным, то есть \ddot{u} , в ИИИИ; 2/ срм. и совр. формы обязаны с одним древним диалектом /назовем его - "диалект I"/, в котором соответствующая форма отличалась от ст.-писм. $\chi\ddot{u}n$, а последняя обязана своим существованием другому диалекту /назовем его - "диалект II"/.

Первое решение трудно считать приемлемым, поскольку интервокальный -л- был устойчив не только к падению, но и к переносу в другие звуки.

Если мы пойдем по второму пути, то нужно реконструировать общую, исходную для обоих диалектов форму. История исследований в данном направлении предлагает нам два варианта: * $\chi\ddot{u}n$ [1, с. 250], * $\chi\ddot{u}n$ [29, с. 63]. Из двух видов звуковых изменений - $\chi\ddot{u} > \chi$ и $\chi\ddot{u} > \chi$, второй вариант не предполагает постулирования дополнительного звука -й- с неясным фонемным статусом и является более вероятным. Спорадический переход $\chi\ddot{u} > \chi$ часто встречается в восточных и близких монгольских диалектах [3], формы с соответствиями $\chi\ddot{u} = \chi$ возникают по

разным причинам, в данном же случае могла произойти назализация в соседстве с устойчивым $\text{a} \sim \text{a}$. Ср. аналогичные примеры: ст.-писым. oi^{a} "вода"; "мол", есир "жидкий склон" \sim ешане "жг, жидкий" / образование по типу - $\text{io} \text{tor}$ "нутро" \sim ётона "внутренний, близкий", yalar "внешняя сторона" \sim yadana "наружный" / и т.п. Побутно отметим, что противоположным переход, то есть $\text{m} \rightarrow \text{b}$, практически не наблюдается, и поэтому полагать необходимой для двух диалектов /I и II/ форму * ku^{m} было бы рискованным.

Развитие $\text{-t} \sim \text{-t} \rightarrow \text{-t} \rightarrow \text{-t}$ является достаточно типичным для монгольских языков, чтобы не зводить промежуточную форму * ku^{t} в отличие от [1, с. 250]. Вероятность такого процесса не нулевая, но примеры единичны: ст.-писым. $\text{debel} \sim \text{de} \text{gol}$ "шуба-деги", даг. udal [15, с. 170] \sim ст.-писым. evil "зима". Показательным примером может служить монгольский, где интервокальный и постконсонантный b падает перед u и o и сохраняется перед e : ст.-писым. uabi "идти" \sim мнгр. $\text{u} \text{-}$ [31, с. 494], ст.-писым. xavax \sim xavar "нос" \sim мнгр. xavar [31, с. 165].

Дальнейшее развитие гласного i : i распределяется по диалектам следующим образом: 1/ сохраняется долгой в даг. ki : \sim ki : [15, с. 150; II, с. 83; 27, с. 185]; 2/ варьируются краткий гласный в закрытом слове и долгий - в открытом: бур. xai : \sim xai : = /в косвенных падежах/ [16, с. 620], калм. kin \sim kin : = /в косвенных падежах/ [3, с. 324]. В ойратских диалектах Синьцзян-встречается и kin в закрытом слове и ki : без конечного n [21, с. 176 и 203]; 3/ краткий гласный в любой словоформе: калк., мнгр. kin [10, с. 745; 31, с. 211], дунс. ki [19, с. 73], бао. ki [20, с. 82], баргу. ki [32, с. 121], вост. югур. kin [18, с. 70]. Сокращение конт-

ранимонного гласного встречается нечасто [I, с. 256-257] и связано, по-видимому, с какими-то особенностями упрощения данного слова.

Качество гласного во всех современных формах представляет собой вполне закономерные соответствия совр. монч. То же можно сказать и об инициальном $*k$ и $*x$.

Что касается среднемонгольского материала, то здесь есть несколько пунктов, требующих пояснения. Так, в ИТ не обозначен переднерядный и: $k'a'ian$ (Малая и Большая Цзиньгуанские надписи. См. 18), но вряд ли это заслуживает особого внимания, потому что и в ряде других форм и и а беспорядочно варьируются: $k'isa$ /"единя Буянт"/, $k'isa$ "сила" /"Большая Цзиньгуанская надпись"/, $k'arté-$ /"Малая Цзиньгуанская надпись"/, $k'arté-$ /так же/ "угостоять" и т.п.

"Земное сказание" /§ 6 и др.: [22] и "Уа-и-ку" / I, г, 14, г - [23] дает форму $ga'ian$, где инициальный согласный транскрибируется китайским непременительным [24]. Фонетическую реальность этого [25]-силлаб С. Каттори считает сомнительной, а причину подобной транскрипции китайскими иероглифами видит в символизме знаков: "...иероглиф имеет сложную структуру, но его значение "пещера, яма" подходит для таких монгольских слов, как $gasa$ "мышь" /30, § 111/, $gasa$ "зеленка" /30, § 86/, $ga-$ "умирать" /30, § 24 и др./ С другой стороны, структура иероглифа проста и инициаль [26] подходит для отражения монгольского ka , но его значение "высохнуть /о дереве/" не подходит [для таких слов, как $ka'ian$ "человек", $k'isa$ "сила", $ka-$ "достигать", которые в "30" выглядят так: $ga'ian$, $gasa$, $ga-$ - В.К.], так что этот знак не может использоваться как основной" [25, с. 225].

оттенки, а именно: чем более узкой была артикуляция гласного, тем менее был аспирирован согласный. Это и нашло свое выражение в градации употребления китайского непридыхательного [k], который в данном случае мы можем рассматривать как один из вариантов передачи монг. *k.

Существенным является и тот факт, что рядом с большим количеством чередований $k \sim g$ и "переходов" $k > g$ в транскрипции СО мы не находим ничего подобного для монг. *b, который почти никогда не чередуется с k и не заменяется на него. Это также говорит о фонетической природе явления.

Если принять это объяснение, то символизм знаков, который ставит на первое место С. Каттори, не кажется существенным. Отдельные нерегулярности обладают своей симметрией: ика- "указывать" такое же дополнение для третьей группы (ка), как *ge*- "лежать" - для первой (ke).

Неаспирированный [k] для ка'ндакт и арабские транскрипции [29, с. 63], но там также отражен сильный монг. k поскольку для транскрипции монг. слов употребляется три ряда заднеязычных, а не два, как в СО, и можно наблюдать некоторую корреляцию типа: $k \sim k'$ монг. k с нелабиализованным гласным, $k \sim k'$ монг. k с лабиализованным гласным, $k \sim g$ монг. g.

Таким образом, срм. форма может быть обобщена как $ka'ɕin$ и тогда более подробная схема развития данного слова в диалектах I будет выглядеть так: * $kaiɕin > *kaiɕin > ka'ɕin$ /срм./ $> kɕin > kin$ /совр./. Здесь мы учли также, следуя С. Каттори [24], долготу гласного во втором слове как условие опиранизации и падения интервокального согласного.

Что происходило в диалекте II неизвестно, по-видимому, этот диалект не сохранился. Рефлексов -ш- не

обнаруживается, за исключением приводимого В.Я. Владимирцовым: байт. *kəwɔːn* [1, с. 250], однако эту форму так же, как и халх. *xəwɔːn*, калм. *kəwɔːn*, следует рассматривать как заимствования из литературного языка /то есть из ст.-писым./ - об этом говорит стиль употребления данных слов.

Связанным с древнемонг. **kabɔn* ~ **kaman* может оказаться слово со значением "сын, мальчик", например, ст.-писым. /в традиционной транскрипции/ *kəwəgən*. Другая, более поздняя, ст.-писым. форма *keikən* "девushка, дитя", ср.: срм./CC/ *ke'aken*. Связь этих форм, вероятно, такова: *kəwəgən* > *ke'ɔ(n)* < *kəwɔː(n)* + суф. =*ken*, *keikən*. Суффиксацией можно объяснить и изменение значения: "мальчик" > "дочка, женщина".

Современные формы могут быть обозначены как *kaː* ~ *xiː*: по данным большинства языков и диалектов: халх. *xiː*, срд., мнгр. *k'ɔː* [31, с. 205], бург. *xiː* [32, с. 119], вост.-игур. *kaːn* [18, с. 72]. С ар. и сур. формы соотносятся с суффиксированным вариантом (*keikən*): ср.: бур. *xiːgən*, дат. *keka* [15, с. 147], *keka*, *keike* [2, с. 50], *keikə* [11, с. 83], *keka* [1, с. 182], *keka* [22, с. 145]; в бургутском также имеется параллельная форма *kaːgən* [32, с. 119].

Во многих языках существуют также формы, непосредственно связанные со ст.-писым. *kəwəgən*: например, калм. *xəwɔːn*, *xəwɔːn* хорчун. *xəwɔːn* [14, с. 50] и т.д. Но самостоятельное значение имеют лишь ст.-писым. формы, в которых, возможно, законосервировалась срм. стадия развития: *kuwo*. *kewan* [19, с. 74], калм. *kəwɔːn* [8, с. 19], оир. /Зинь-цзян/ *kəwɔːn* [21, с. 224].

С другой стороны, не исключено, что параллельным новым и старым формам восходит еще и срм. Если судить, например, по данным КТ: *k'əwə'ɔn* ~ *k'ə'ɔn* - оба слова содержатся в одном и том же контексте *əwɔːɔɔn* "сын не-

ба", в одном и том же документе - Большая Цыкингтуанская надпись.

СС, "Хуа-и и-жи" и арабские рукописки отражают только "продвинутую" форму: ко'а(а) [СС, § 2 и др.; "Хуа-и и-жи" (I, f, 15, r) [36], Кемин, ке'ин [19];

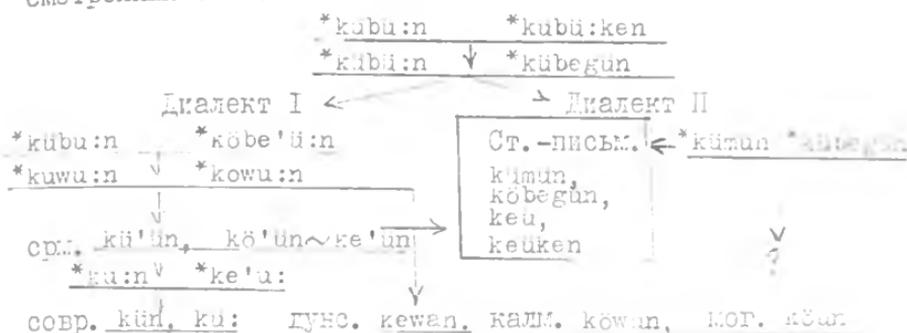
Мон. койн [30] совпадает со срм.

На этих материалах и с учетом ст.-письм. *kəbeğin*, которое мы условно берем за исходную форму, можно реконструировать развитие данного слова следующим образом: 1/ произошло два стяжения с падением интервокальных согласных: сначала второй и третий слог стянулись в один, с долгим и:, затем вывал -а-; какое-то время существовал "дифтонг" *əi* *ei*, превратившимся к настоящему времени в долгий гласный - именно на такую последовательность указывает срм., мон. и совр. дунс., калк., дат. формы; 2/ транскрипция ст.-письм. *kəbeğin*, как мы писали выше, основана на совр. калк. чтении *kwəğin*, но ст.-письм. форма, скорее всего, должна связываться с древним чтением **kəbeğin*, о чем свидетельствует ИТ [31, с. 10]. Тем не менее, гласный *ə* первого слога - довольно старый - он мог образоваться до I-го стяжения /2-го и 3-го слогов/: понижение подъема в результате ассимиляции с гласным *a* или *e* второго слога, то есть *a(a) əsa* или *iee* > *əse* - довольно типичный процесс для монгольских языков [29, с. 70-73]; 3/ в деривации **kəbeğin* от **kəbin* > **kəbin* произошел семантический сдвиг, который осуществился за счет присоединения суффикса с уменьшительным значением -*ken*: *kəbi(n)+ -ken* > *kəbiken*.

Необходимые для этого предположения фонетические допущения - метатеза гласных и ослабление -*k*- в любом хронологическом порядке. Аналогии к ослаблению находятся в бур. и баргу. вариантах этой же формы /см. выше/. Для метатезы *kəbiken* > *kəbekun* или *kəbigen* > *kəbeğin* также можно найти аналогии в ст.-письм. - калк. соответстви-

ях [I, с. 336; 29, с. 58-59].

Теперь представим общую хронологию развития рассмотренных слов:

Описываемые в данной схеме фонетические изменения оставляют некоторые вопросы: 1. Принимая гипотезу В. Каттори о спондантизации и падении интервокальных согласных перед долгим гласным, мы должны объяснить возникновение долготы в формах древнемонг. *kübegün и *küman. В первом случае она могла возникнуть по аналогии /после метатезы - см. выше/ с первичной долготой в суффиксе /-ü/ * -yu:n/, -gan ср. *bilayu:n "камень", *terigün "голова" и др. /примеров очень много/. В *kubü:ken следует реконструировать первичную долготу во втором слове. Могла ли эта долгота сместиться при метатезе куба:кен -> kübegün то есть была ли эта метатеза полной, конечно, сейчас сказать трудно.

2. Архаичные калм.-обр. и мор. формы можно объяснить отделением данных диалектов в срм. период: XII-XIII век, или несколько ранее - отделение ойратов, XIII век - отделение монголов. Дуно. kewan, по-видимому, еще более архаичное - стоит особняком среди слов со значением "сын, мальчик" в других "кукунорских" языках. Ср.: мандр. k'ü: "сын", бао. awa id [15, с. 133; 29, с. 10] /последнее, возможно, восходит к тиб. ལྔ : лхасское произ-

ношение р'ч, в восточных диалектах - су/. Такое различие объяснимо многолетней взаимной изоляцией этих языков, хотя они по ряду признаков очень близки друг другу и в момент их обособления от общемонг., очевидно, представляли собой компактную диалектную группу.

3. Если предполагать отделение "кумунорских" языков, принадлежавших, несомненно, к диалектам I типа, в начале I тысячелетия н.э. [9, с. 64], то реконструированное общемонг. *kčon:n должно быть отнесено к еще более раннему периоду. Примерно в это же время могли консолидироваться и диалекты II типа (*kčim:n). Точная картина вряд ли возможна только по данным диалектов,

более глубокая реконструкция могла бы быть проведена при наличии каких-либо внешних соответствий, но таковых практически не находится. Мы можем предложить лишь один, весьма спорный, пример.

Среди китайских терминов-этнонимов, относящихся к группе народов "дунху", предположительно монголоязычных, встречается термин "кумоси". По свидетельству "У лан ши-цзи" и "Яо ши", кумоси - народ, имевший общий язык с миданями [9, с. 10-30, 51]. Само слово "кумоси" /средневековое китайское чтение k'uo siak k'ei - по "Це нь" [4] / 厓 塞 塞 состоит из двух сегментов: первые два знака - типичные транскрипционные иероглифы, третий знак с древним значением "крепостной, раб" - обычная семантика при обозначении "иностранцев" в китайских летописях. Начиная с династии Суй /583-617 гг./ кумоси стали называть просто "си" (塞), что подтверждает реальность данного членения: кумо- - транскрипция самоназвания народа, -си - китайский термин, то есть: "народ кумо".

"Кумо" могло быть самоназванием племени или словом со значением "человек" - такие слова нередко выступают в роли этнонимов при межэтнических контактах /ср., на-

пример: нивх "человек; нивх"/. Нет оснований исключать и возможность тождества "кумо" и древнемонг. *kumün. На стороне этой гипотезы и формы *kūšin, соответствующая диалекту П, который, по-видимому, был диалектом сяньбийско-киданьской группы, если судить по тому, что киданьский сближается скорее со ст.-писым., нежели со срм. [7]. Кумоси же, как говорилось выше, имели с киданями много общего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и калхаского наречия. Ленинград, 1929.
2. Ивановский А.О. Mandjurica. I. Образцы солонского и дахурского языков. СПб, 1884.
3. Дальско-русский словарь. М., 1877.
4. Кип С.Г. Фонетический словарь киданских переписков. Составил С.Г. Кип. М., 1988.
5. Кузьменков В.А. К этимологии слов типа бурятского комор/монгольского ховор // Лексикологические исследования монгольских языков. Улан-Удэ, 1988, с. 110-125.
6. Кузьменков В.А. О возможной предистории монголенин инициальных f, x, s // Востокведение, 14. Ленинград, 1986, с. 56-65.
7. Кузьменков В.А. Монгольские элементы в маньчжурском и диалектная база старомонгольской письменности // Вопросы языкознания. № 4, 1986, с. 117-122.
8. Кузьменков В.А. Фонетическая реконструкция монгольского текста "Кань чао би ши" / в печати/.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

бас.	басаньский	монг.	монгольский
барту.	баргутский	ойр.	ойратский

бул.	бурятский	орд.	ордосский
вост.-тгур.	восточно-тгурский	совр.	современный
даг.	дагурский	орм.	орчонмон- гольский
тунг.	тунгусский	ор.	"Сокровен- ное Сказа- ние" [Пан- кратов 1962]
калх.	калхаский	ор.-инг.	старопись- менный
ор.	"Квадратное письмо" [Колле 1941]	орд.	ордосский
ор.	"Дукадимаг ай-Адаб" [Колле 1938]	калх.	калхаский
корч.	корчинский	корчин.	корчинский
кост.	костольский		

Б. Г. Машкин

К ИСТОРИИ БОЕНОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА (III—XIV вв.)

Боевая терминологическая лексика является одной из наименее изученных частей словарного состава монгольского языка. Исследование данной тематической группы в диахронном плане предполагает прежде всего обращение к письменным источникам III—XIV вв., которые зафиксировали ее древнее состояние. Важнейшим источником этого периода — "Сокровенное сказание" (1240 г.) (В статье использовано следующее издание памятника: Ligeti L. Histoire secrète des mongols. — Louis Ligeti. Budapest. Acad. kiado. 1973).

Перевод отдельных примеров дается по изданию С. А. Козина (Козин С. А. Мань-чао-би-ши. Сокровенное сказание. — С. С.)

Монгольская хроника 1240 г., т. I, М.-Л., 1941) содержит наименования воинов, частей и отрядов войска, оружия и военного снаряжения, способов ведения боевых действий, а также сведения, характеризующие некоторые особенности и понятия военного дела XIII в. Древние военные термины фиксирует и такие источники, как "Монгольский словарь Мухаддимат-ал Адаб", "Сборник летописей" Рашида ад Дина, различные документы XIII-XIV вв., дошедшие в китайской транскрипции. См.: Ligeti L. *Monuments praslasiques. Par Louis Ligeti. Budapest. Asia. classe. 1972* (МР); Ligeti L. *Monuments en écriture "pouss-rou-Russie de chancellerie en transcription chinoise". Asia. classe. 1973* (МР).

Словарь по древнему военному делу XIII-XIV вв. издается в рамках лингвистов и историков. Основное место в нем займут термины военного дела XIII-XIV вв. В работе рассматриваются термины военного дела XIII-XIV вв. в связи с термином "войска" как указанного, так и последующих периодов. Брали работ, имеющих отношение к теме статьи, - "История оружия и военного снаряжения древних народов" [1, с. 431-432]. Для древних военных терминов - наименований тактических приемов и способов ведения боя последуют в книге И. Гапановича [2, с. 114-115]. Наименования различных видов луков и стрел даны в статье Л.У. Кохалык [3, с. 109-161]. Некоторые наименования оружия и военного снаряжения приведены в работе А.И. Момонова [4, с. 13-14]. Древнемонгольские военные термины, замеченные в древнекитайских языках, рассматривает А. Рона-Тал [5, с. 54-56]. Следует также отметить специальные работы И.И. Иванова [7]. К. Змирнова [8], соответствующий раздел "История военного искусства" Л.А. Васильева [9], в которых раскрывается содержание основных понятий

военного дела древних монголов.

Как известно, основным родом войска древних монголов и других кочевых народов была конница. Это повлияло как на своеобразие тактических приемов и способов боевых действий, так и на своеобразие военной терминологической лексики. Исходное значение глагола *dobtu-* — "садиться верхом, отправиться на лошади, ехать верхом" [Голстунский К., т. III, с. 331]. Но этот же глагол функционирует в монгольском языке XII в. как военный термин в значении "выступить в поход, напасть", например: *Сигдзис даван Ог да соуг-тар хоригуа ке'елдиси* (§ 141 С. с.) — 'уговорились выступить в поход против Чингис-хана и Ван-хана' (пер. С.А.Хозина); *Сигдзис даван-тар хориглажа суизи* (§ 163, с.) — 'собирается напасть на Чингис-хана' (пер. С.А.Хозина). Указанный глагол в последующем утрачивает военное значение. В современном монгольском языке употребляется как вежливая форма "соизволить прийти, познакомиться", сохранив значение "ехать верхом" (С. Цэвэл, с. 341). Глагол *dobtu-*, исходное значение которого "быстро бежать, скакать во всю прыть, во весь опор", как военный термин зафиксирован в значении "вдруг учинить натиск, нападение" (Голстунский К., т. III, с. 170), "напасть, ударить", например: *чори-силемун-тайси шинван тугаа'ад-ийар добтулбай* (§ 171 С. с.) — 'Чори Шилемун тайджи напал с тысячами своих турхаутов'; *Толуй Огдун-гарген соуг хонделен-есе добтулжа* (§ 251 С. с.) — 'Толуй и Чигу-хургэн ударили во фланг'. Военное значение глагол *dobtu-* сохраняет в классическом старописьменном языке. В системе современной общевойска терминологии 'довтлох' имеет значения "нападать", "атаковать", "вторгаться".

Некоторые глаголы приобретают военное значение в сочетании с военным термином-существительным. В "Зокро-

венном сказании" зафиксированы устойчивые сочетания глаголов с термином *serik - serig* 'воин', 'воинско'. Например: *serik mede-* 'командовать войском', 'ведать военными делами' (*serik medegü - debe inä ere'leju vavılıca* (§ 2570. с.) - 'отговаривал от командования войском'; *serik medegü serbia* (§ 2383. с.) - 'борьба, ведание военными делами'); *seri'it-i serit'it-* (§ 2480. с.) - 'отозвать войско'; *seri'it ile-* (§ 2470. с.) - 'отправить войско'; *serik öskle-* (§ 2513. с.) - 'указать войско!

Источники фиксируют сочетание термина *serik - serig* с глаголом *jas-* в значении "построить войско", например: *serik jaza'ı ösen* (§ 1770. с.) - 'построили войско и исполняли'; *serinläyü ke'tin serik jaza'ı* (§ 150 С.с.) - 'решил принять вой, построил войско! В зависимости от контекста глагол *jas-* передает значение "управлять войском", например: *serik zi jaza'* (§ 170 С. с.) - 'ты управлял войском'. Большинство указанных сочетаний глаголов с термином *serik - serig* характерны лишь для периода III-IV вв.

В III в. и начале IV в. дифференциация войска по родам почти не выражена, и конница по-прежнему принадлежит главенствующая роль. Но уже в конце III в. источниками фиксируется наряду с термином *serit'it serit'it* 'конница' термин *lavıca serit'it* 'пехота'.¹⁰ Работы историков дают представление о том, какие специфические задачи выполняет этот новый род войска, действовавший наряду с конницей. В сражении войска Хубилая с войском Наяна в 1289 году роль пехоты заключалась в следующем:

1. См. также *serig'id-ıyen jaza'ı* (МР, с. 300) - 'построили свое войско'.
2. Эпикт Хубилая (1292 г.). - См. МЭЭ, с. 141.

"Когда конница... обращалась в притворное бегство, пехота садилась на крупы лошадей, когда же конница поворачивала и обращалась в атаку, пехота спрыгивала с лошадей и убивала неприятельских коней короткими копьями" [8, с. 25]. У Хубилая в этом сражении было 30 корпусов по 10 000 конницы, причем к каждому корпусу было приято по 500 пехотинцев, вооруженных копьями и мечами. Пехота еще не была вооружена луками, действовала лишь рукопашно [8, с. 24-25]. Как видим, появление в монгольском языке конца XIII века нового военного термина указывает на смену 'от 'пехота' - следствие соответствующих изменений в тактике действий и организации войска.

Термин *serig* *serig* и указание *serig* отчасти в неизменном виде входят в систему современной общевойсковой терминологии (морин черег - морьт черег 'конница', 'кошарерия'; явгач черег 'пехота').

В монгольском языке III-IV вв. закрепляется ряд терминов - наименований элементов боевого порядка войска. В лексикологическом труде германского ученого входят также наименования, как *bagai* и *serig* 'на войско правой руки; *ewin* *serig* 'на войско левой руки; *sol* *serig* 'войско центра', а также уже *serig* 'все войско', 'великое войско'. В дунганском наименования такого военного понятия, как авангард, в "Сокращенном сказании" зафиксированы два термина *anglai* и *aldigai*, вступающие между собой в синонимические отношения. Слово *aldigai* встречается в источниках в сочетании с глаголом *na'ala-* 'гнать, преследовать, осканять', например: *ser-tür-yün gara 'ot asanar ser-nar delale* 'и сирь *serilaba* *shik* *Wosonqar-i* *aldigai* *na'alaaba* 'Борогязь

3. Примечательно, что в классическом старописменном языке наряду с указанными терминами употребляются *Bagayun* *shir-yün serig*, *serim* *shir-yün serig*. См. *In'annasi*. *Koke* *zadyr*, *terigix* *sefter*. *Ljke* *osta*. 1957, с. 312.

домой, посоветовались они с братьями и выступили в поход. Передовым-наводчиком пустили самого же Бодончара' (§37 С. с., пер. С.А.Козина). Можно предположить, что первоначально основным военным значением слова *alginci* было "разведчик, проводник". Так, вероятно, называли воина или воинов, на которых возлагалась задача разведки неприятеля, и которые всегда действовали впереди войска. Впоследствии наименование *alginci* переносится на передовой отряд войска, его авангард. В § 195 "Сокровенного сказания" говорится о построении боевого порядка войска Чингисхана в сражении с найманами: *Siaggiš qahan ö'ezim algincilaju kazar-i qol jasa'ulba Otciğin noyan-i'izaj'ulba* 'Сам Чингис-хан пошел в передовом отряде, Казару поручил главные силы центра, а Отчигину тыл с заводскими конями' (пер. С.А.Козина). Здесь термин *alginci* имеет значение "передовой отряд", "передовая часть войска в бою", "первый эшелон боевого порядка войска", а термин *qol* и *köt*⁴ соответственно "войско, центра, главные силы центра" и "задний отряд войска, аррьергард".

Термин *manglai* также зафиксирован в "Сокровенном сказании" как наименование передового отряда войска, его авангарда. Например: *Siaggiš qahan Altan Qabar Bāritai qarban-i manglai yaba'ulba* (§ 142 С. с.) 'В авангард Чингисхан отрядил Алтана, Хучара, Даритая'. Исторически термин *manglai* сменяет термин *alginci*. Автор летописи "Алтан тобчи" (XVI в.) Мубсан Данзан заменяет сочетание *alginci na'ulqaba* на слово *yajarsilayulja* 'велел про-

⁴ Ср. древнетюркс. *köt* 'зад, задняя часть' (Словарь Махмуда Кашгарского 1072 ~ 1074 гг. - Древнетюркский словарь, с. 319).

дять', 'сделав проводником'⁵. Вероятно, термин *alginci* был не очень понятным для него в данном контексте. Термин *manglai* в значении "авангард" зафиксирован в старописьменных источниках XIII-XIX вв., функционирует в системе современной общевойсковой терминологии (манлай 'авангард').

В группе древних терминов - наименований войска и его отдельных частей можно выделить слова, которые семантически противопоставлены друг другу. Это *alginci* - *kotot*, *manglai* - *gejige*. Слово *gejige* 'заплетенные волосы, коса; затылок' (Голстунский К., II, с. 573) как военный термин в значении "задний отряд" употребляется в "Сокровенном сказании" ситуативно, например: *dingan tarag'ud-un gejige bida qol dobtulai je* (§ 170 с. с.) 'задним отрядом тысячи турхаутов пойдем мы, Великое войско центра'. В классическом старописьменном языке сочетание *gejige* со словом *serig* предстает как военный термин *gejige-yin serig* 'арьергард, заднее войско' (Голстунский К., II, с. 574).

В "Сокровенном сказании" зафиксированы военные термины *pokor* 'пухляк', 'дружижник' и *kesikten* 'гвардия', 'гвардеец'. Исходное значение слова *pokor* - "спутник, приятель, друг, товарищ". Как военный термин *pokor* обозначает лиц, приближенных к предводителю древнемонгольского рода или племени, его сподвижников, ближайших помощников, военных слуг, вассалов, кто составляет опору его власти - *pokot* 'дружину'. По словам В.И.Владимирцова, они, как "настоящие воины, воины прежде всего" были всегда готовы к бою, "не имели ничего общего с родовым ополчением,

5. Ср. вышеприведенный фрагмент § 37 "Сокровенного сказания" с текстом "Алтан тобчи" *ser-tür-iyen kirčei aq-a-nar zegii-ner-lige euctülöñün jin Bodoncar-i yajarsilayulju* (Liget'i I., МЛД, с. 16).

которое собиралось во время более или менее больших войн, когда многие, если не все, способные носить лук и стрелы, оставляли свои стада и образовывали рать, войско"¹. Во время войн они "превращались в начальников отдельных частей родового ополчения, а частью образовывали особые отборный отряд; из дружинников же выходили командиры отдельных корпусов и "армий". Нумеры, как постоянное военное содружество, сожительствующее вместе со своим вождем, были эмбрио-армией и эмбрио-гвардией; каждый номер — будущий офицер и полководец" (Там же). В "Сокровенном сказании" зафиксировано сочетание *ötögüz öljaiten ököt* (§ 125 С.с.). Так называет Чингисхан своих ближайших сподвижников, тех, кто помог ему прийти к власти и входил в состав его первой немногочисленной дружины. Это почетное наименование распространялось, вероятно, на колчаносцев (*qara aqsaba*) и мечников (*ildüz arzuja*), о которых говорится в § 124. Можно предположить, что к моменту образования первого улуса Чингисхана уже наметилось расслоение старей дружины, которую пополнили многочисленные новые дружинники. Перед сражением с найманами Чингисхан вводит десятичную систему в войске и реорганизует старую дружину. Функции колчаносцев и мечников переходят к 30 кебтеулам (*kebte 'ül*) и 70 турхаутам (*turqa 'ut*), которые составляют его личную охрану. Кроме того, функциями сменной охранной стражи в мирное время стал выполнять отряд в тысячу турхаков-кешигтенов (*turqaq kesikten*) под командой Архай-Хасара, во время боевых действий этот отряд должен был сражаться в авангарде войска центра (См. § 191 С.с.). Примечательно, что подобный отряд в тысячу турхаутов был и у керентского Ван-хана. Во время сражений этот отряд тоже составлял авангард войска

1. Владимирцов Б.А. Общественный строй монголов..., с.91.

центра Ван-хана (См. § 170 С.с.).

Термин *kesikten* происходит от тюркского *kesig* в значении "часть, кусок", а также "очередь или несение службы в свой черед" [2, с. 346]. Лексико-семантическая группа с опорным словом *kesikten* насчитывает большое количество наименований воинов и подразделений гвардии, например: *kesi 'id-ün noyat* 'дежурные начальники', *kesi 'id-ün otögis* 'дежурные старейшины', *bawaroi* 'стольник', *entenoï* 'дверник', *atasi* 'конюший', *turqa 'ut* 'турхауты, дневная стража', *qorcin turqa 'ut*, *qor aqsadıqın turqa 'ut* 'стрельцы-турхауты, лучники-турхауты', *колчаносцы-турхауты*, *qorcin* 'стрелец, лучник, колчаносец', *kekte 'ul* 'кебтеул, ночная стража', *turqaq kezikten* 'сменная охранная стража, придворная стража', Термин *turqa 'ut* — личико от *turqaq*, которое происходит от тюркского глагола *tur* 'стоять' [2, с. 546]. В "Сокровенном сказании" зафиксированы также почетные наименования: *yekes turqa 'ut* 'великие турхауты', *yekes qorcin* 'великие стрельцы', *otögis kekte 'ul* 'старые кебтеулы', *oljeiten kekte 'ul* 'благословенные кебтеулы', *otögis ba 'atat* 'старые богатыри'. Почетные наименования, которые были даны старым гвардейцам, свидетельствуют о неоднородном составе гвардии.

"Сокровенное сказание" и другие источники фиксирует определенные сдвиги, происходящие в военной терминологической лексике XII-XIV вв. под воздействием изменений в военном деле. За многими словами закрепляются значения специализированных наименований новых понятий, что приводит к качественным преобразованиям в семантической системе слов, изменению особенностей их функционирования. Вместе с тем, военная терминологическая лексика XII-XIV вв. в целом не выходит за пределы общеупотребительной. Новые наименования военных понятий не могли

быть неизвестными всему населению, непосредственно связанному с военным делом.

Лексический материал кочевников III-IV вв. не всегда позволяет провести четкое разграничение между термином и нетермином. Система военной терминологии монгольского языка лишь начинает складываться в этот период. В соответствии с этим, ее исследование наряду с уже названными терминами должно охватывать те слова, которые используются в военном значении ситуативно. В последующем многие из подобных слов превращаются в военные термины, о чем свидетельствуют источники и словари XV-XVI вв. Естественно, происходят и процессы детерминизации и архаизации, которые также должны быть учтены при изучении системы военной терминологии владимирского старославянского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимирцев Б. А. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и калмыцкого наречия. Сведения и фонетика. Л., 1933; Общественные слогары монголов. Монгольские кочевые зачатки. Л., 1934.
2. Достаточно полный список грудов приведен в книге: Дастина Н. П. Луосан Данзан "Алтан табиг" ("Золотое сказание"), М., 1973.
3. Гадамова Э. Нууд товчооны нууцаас. Улаанбаатар, 1976.
4. H. G. - Kshalmi. Der pfiel bei Den innerasiatischen Reiter nomaden und ihren Nachbarn. - Acta Orientalia. Academia Scientiarum Hungaricae. v. VI, 1957.
5. Комонов М. П. Из наблюдений над лексикой древнемонгольского памятника "Золотое сказание". - Материалы по истории и филологии Центральной Азии.

Труды ВМОН СО АН СССР, вып. У. Улан-Удэ, 1970.

6. Рона-Таш А. Языковое влияние монгольской империи XIII-XIV вв. - Олон улсын монголч эрдэмтний IV их хурал, Улаанбаатар, 1985, II боть.
7. Иванки М. О военном искусстве и завоеваниях монголов, СПб, 1848.
8. Элирнов К. Армия монголов в XIII веке по запискам современника-европейца, СПб, 1908.
9. Разин В.А. История военного искусства, ч. II. Военное искусство феодального периода войны, М., 1957.

А.На анхигет

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ-ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА

История формирования новой общественно-политической терминологии представляет собой особый интерес.

Чтобы более конкретно показать формирование и развитие новой общественно-политической терминологии современного монгольского языка, представляется целесообразным рассмотреть изменения в общественно-политической лексике по отдельным периодам, связанным с развитием истории народной власти в Монголии.

Монгольский язык с древнейших времен располагал лексическими средствами для передачи явлений и понятий общественно-политического характера. Основу старомонгольской общественно-политической терминологии, как и современной, составляли слова, связанные с государственно-политическим строем, общественными отношениями. Она отражала и ключевой образ жизни монголов и связанную с ней экономику, народное искусство, обычаи и обряды.

Основная часть этой лексики после народной революции вошла без изменения в состав литературного языка, составив костяк его общественно-литературной лексики.

Формирование общественно-политической терминологии тесно связано с коренными изменениями, происшедшими в общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни монгольского народа.

В новых социально-политических условиях существенно расширились общественные функции монгольского языка. Лишь после установления народной власти монгольский письменный язык вновь возродился и восстановил свои утраченные функции, которые выполнялись маньчжурским и тибетским языками. Старомонгольский письменный язык стал орудием просвещения, языком печати, учебников, политической литературы и художественных произведений.

Идеологическая борьба в 1931—40 годах оставила большой след в общественно-политической терминологии: исчезли или перешли в пассивный запас лексики слова, выражавшие старую идеологию, религию, сузились или расширились лексические значения слов, появилось огромное количество новых слов и заимствований.

К словам, отнесенным на периферию словарного состава языка, относятся названия старых учреждений, должностей, титулов и званий: тайж, зайсан, амбан, сайд, дуганч и юридические термины: алба, албат, эрцү мөчл, цааз и др.

В тот исторический период большая часть бытовавшей ранее изысканно-почтительной лексики также перестала употребляться, как например: морюлох, бараатлах, айлтган, тергоч, хангив ергех и др. [18, с. 81]. Остальные слова этой категории, потеряв свою социальную окраску, претерпели семантические изменения.

Одним из характернейших процессов, происходившим в тот период в лексике, было появление многочисленных новых слов и терминов, отражавших новую жизнь монгольского народа: нийгэм зурам, ардын ардчилсан куувьсгал, намын тангараг, хоршоо и др.

Обогащение общественно-политической терминологии в 1931—40 годы осуществлялось тремя путями: 1/ путем образования новых слов посредством аффиксального, лексико-семантического, лексико-синтаксического, морфолого-синтаксического способов словобразования; 2/ путем заимствования интернационализмов через русский язык; 3/ путем калькирования из китайского и русского языков.

Наибольшей продуктивностью отличался лексико-синтаксический и лексико-семантический способы словообразования. В процессе семантических изменений наблюдались следующие явления: изменение значения, сужения значения и расширение круга употребления слов.

Особенно продуктивны были следующие суффиксы: -ч, -чин, -чгуд, -гч, -ган, -г: эв хамтчууд, суртал ятгагч, скутан, зевлелт.

Таким образом, в данный период развития общественно-политической терминологии современного монгольского языка были выработаны основные принципы образования терминов на базе лексико-грамматического материала монгольского языка, определены источники терминов, а также способы адаптации заимствований [3].

Все социально-экономические изменения в общественной жизни в последующие годы получили свое отражение в терминотворчестве. В 1940—60 годах в стране решались задачи полной ликвидации неграмотности населения, становления единой системы народного образования, формирования интеллигенции, утверждения новой идеологии в духовной жизни общества, кооперирования аратских хозяйств. Социально-политическая реальность, в которой развивался

и развивается современный монгольский язык, по характеру своих общих тенденций сходна с социальной действительностью в Советском Союзе, что и привело к появлению семантических аналогов.

В этот период терминотворчества наблюдалось интенсивное заимствование из русского языка. Способы обогащения лексики не могли в полной мере обеспечить растущую потребность общества в номинации новых понятий и предметов, с одной стороны, победа социалистической идеологии, заставлявшая сознательно ориентироваться на заимствование интернациональных терминов через посредство русского языка, с другой стороны, привели к широкому проникновению русизмов в лексику монгольского языка.

Если характерной особенностью развития новой общественно-политической терминологии до 40-х годов было параллельное употребление терминов: коммунизм- эв хамт ёсон, социализм- нийтгэм журам, империализм- эвэрмэг түрэмгий ёсон и др., то к 60-м годам во многих парах произошел процесс вытеснения одного из вариантов. В частности к этому времени из активного употребления вышли следующие монгольские термины: нийтгэм журам, эв хамт ёс и др. Следует отметить, что к концу 60-х годов из употребления вышли также русские заимствования, как кризис, ударник, ресурс, патриотизм, митинг, коллектив и др. Взамен их появились национальные эквиваленты хямрал, гавшгайч, баялаг, эх оронч үзэл, цуглаан, хамт олон.

Характерной явилась и дифференциация интернационального термина. Слова и термины из синонимического ряда институт-дээд сургууль-хурээлэн первоначально обозначали одно и то же понятие. Интернационализм институт пришел в монгольский язык с созданием в ИМР высшего учебного заведения /Хөдөө аж ахуйн институт, Багшийн инсти-

тут/, и с того же времени стал употребляться как эквивалент монгольскому варианту *гээл оургууль*. С появлением первых научно-исследовательских институтов термин *институт* стал употребляться также и в значении научно-исследовательского учреждения не академической системы / *Институт* / в Корееи *дэргэдэг институт* / *институт* /, а институты Академии наук МНР называются словом *хурээ*

В те же годы проходил постепенный процесс впитывания калек с китайского языка и рост калек из русского языка. Если на начальном этапе развития новой терминологии продуктивным было образование новых терминов посредством лексического калькирования, например, как англизм *инлаас* - раньше оно обозначало часть, доля, то в следующие периоды активностью отличаются фразеологические и синтаксические калки: *эсгэлтэсэдийн зөвөл*, *эвсгэл чд* *хөндөг бодлого* и др. 25 марта 1941 года вышло постановление совместного заседания Совета Министров и Президиума ЦК МНРП о замене старомонгольской письменности. Принятие нового алфавита на русской графической основе являлось целью в области образования. По мнению тогдашних политиков, старомонгольская письменность, созданная более семи веков назад, в силу своего расхождения с живым разговорным языком монголов препятствовала задаче быстрого и всеобщего обучения грамоте, приобщения масс к сокровищнице мировой культуры. Создание нового алфавита обусловило исключительную роль русского языка в развитии терминологии монгольского языка, и способствовало проникновению калек с русского языка.

В 1940-60 годах монгольскими учеными издано немало исследований, посвященных вопросам монгольской терминологии. Они принесли большую пользу для разработки теоретических и практических вопросов. Наиболее характерные процессы, происходящие в те годы в монгольском языке, -

появлении неологизмов, семантические изменения слов, переход целых пластов лексики из разговорных форм в литературный язык - были затронуты в работах академиков Ц. Дамдинсуреана, Б. Ринчена, Ш. Дувсанвандана, а также Э. Бандуя, Л. Мишиг, Улзийхутага и др. В 1957 году акад. Ц. Дамдинсуреаном была опубликована работа "Монгол хэл бичгийн тухай", где имеется ряд ценных высказываний по вопросам дальнейшего развития монгольской терминологии, указывается на необходимость выявления и обладания диалектами и создание на основе диалектных слов научных терминов. Автор также указывает на изучение богатого опыта составления словарей дореволюционной эпохи.

В определении роли интернационального фонда в системе монгольской терминологии важным источником являются работы В. Фединова, В. Ринчена, А. Дувсанвандана.

Оценивая успехи в развитии языка, акад. Ш. Дувсанвандан отметил, что за 40 лет монгольское языкознание добилось наибольших успехов в подготовке лексикографов, в частности в создании новых терминов [8, с. 14].

В 1930-50 годах подчтены дальнейшее развитие тенденций и преобразования, которые наметились в предыдущих периодах развития лексикографического литературного языка.

Вся практическая работа по созданию, унификации и стабилизации научных и отраслевых терминов осуществлялась централизованно и в этом огромную роль сыграла государственная терминологическая Комиссия. Она является органом, осуществляющим руководство научной и грантической деятельностью в области терминологии на монгольском языке по всем отраслям экономики, науки, техники и культуры.

Опубликованы свыше 20 русско-монгольских терминологических словарей, которые принадлежат огромная роль в разработке терминов. В настоящее время в МНР существуют

ими терминологических словарей: двуязычные, многоязычные толковые и полутолковые, и полутолковые двуязычные терминологические словари можно отнести "Краткий русско-монгольский словарь по общественно-политической терминологии" В.Дугера. В данном словаре в монгольском языке даются краткие толкования, а в русском языке — определения терминов.

При оформлении русской части воли русско-монгольских отраслевых терминологических словарей используются готовые терминологические словари, являющиеся в Советском Союзе на русском языке.

Следует особо отметить, что терминологические словари играют определенную роль в упорядочении терминологии. Они в своей практической работе помогают пользоваться работниками периодического печатного издательства, радио и телевидения, переводчиками, специалистам, научные работники и самым широким кругом читателей.

В 60-80 годах по различным вопросам терминологии современного монгольского языка опубликовано значительное количество научно-исследовательских работ. Среди них особого внимания заслуживают труды таких ученых, как В.Баданов "Матри-грек зерэг европ хөний шиний утгаар, язгуур, далаврыг монголчлох шинэ" /1973/, Г.Шиндэрж "Таллология в монгольском и маньчжурском письменных языков", М.Тулурцэрэн "Нэр томъёоны шинэлийн зарим асуудал" /1982/, Д.Дашдаваа "Шинэлийн ухааны нэр томъёо түүний Орчуулга" /1977/, М.Талдамба "Нэр томъёог зөв тогтоох талаар анхаарцгаах" /1977/, в.Дамдинсүрэн "Нэр томъёог судлах хэрэгтэй", сюда также относятся и работы И.Шагдарсүрэн, М.Бадраа, Ч.Дагсүрэн, М.Оноорбаян и многих других. Все эти работы значительно подняли теоретический уровень исследования проблем монгольской терминологии.

Большое внимание изучению и исследованию монго-

льской терминологии уделялось в СССР. Вопросы исследования терминологии занимались такие известные ученые, как В.А.Блажковцов, Г.Д.Самоев, Т.А.Бертагаев. Изучению общих проблем терминологии посвящены монография Т.А.Бертагаева "Лексика современных монгольских литературных языков" /1974/, Г.Д.Парбеева "Современная монгольская терминология" /1984/ и др.

Следующий иллюстративный материал по общественно-политической терминологии дает возможность наглядно показать непосредственную связь семантических изменений в лексике с теми социальными переменами, которые произошли в жизни монгольского народа за последние годы.

1. Изменения, обусловленные переменами в государственной структуре общества: *БНДЗ-ин Брэнхийлөгч*, *Брэнхийлөгчийн Тамгын газар*, *Улсын Бага хурал*, *муун цаазат төр*, *монгол аргачлал хөдөлгөөн*, *Монгол ногоонтны нам* и др.

2. Изменения, обусловленные появлением новых государственных и других типов учреждений и связанных с ними понятий: *олон нам* *торгогчид*, *Дөхөлгөрний Нам*, *Ивээн тэтгэх байгууллага* и др.

3. Изменения, связанные с появлением новых должностей, званий и специальностей: *назар сайд* /раньше *И орлогч сайд*/, *гед сайд* /раньше *-Орлогч сайд*/, *герийн соёрхол* /*герийн шагнал*/, *иргэдийн төлөөлөгч* /*ардын төлөөлөгч*/. *ерийн эсхлүүдэгч* /*дарга*/, *Эрүүд мөндийн сайд* /*Эрүүд мөндийн сайдын сайд*/ и др.

4. Изменения, связанные с преобразованием социального состава общества: *ажилгүчүүд*, *ажилгүчиний тэтгэлж*, *эвэн*, *түрээслэгч*.

5. Изменения, связанные с возрождением народных обычаев и культурных традиций: *дэлхий наадам*, *нам бүтэл*

6. Изменения, связанные с возрождением религии: осво таких, мергелин эргээ, буяны хандив эргэх.

Значит, терминологическая лексика, связанная с многопартийной системой, выборами, демократией, правами человека, возрождением национального самосознания нашего народа, с переходом к рыночным отношениям и возрождением религии все активнее ныне проникает в лексикку литературного языка.

Самым характерным процессом современности в терминологической лексике монгольского языка является появление новых терминов: улс төрийн сууц, эрхийн-легцийн амлдар, хувьцаа, нийгмийн бүтэцлэл, сонордүүлэгч, монгол сэтгэлгээ, улс төрийн хийрхэл, цагаачилалт хууль, засиргаалагч, олон урталч үзэл и др.

В обиход общественно-политической терминологии возвращаются архаизмы и историзмы: их цааз, их засаг, хошуу засаг, шадар саад, хамгаа, зар бичиг, амлгах и др.

В последнее время обновление общественно-политической терминологии идет посредством заимствования из английского языка, что ведет к увеличению интернационального фонда монгольского языка: коллеж, парламент, брокерин пуус, бирж, маркетинг, шоу эстрад, менеджерин дамжаа. В связи с этим следует отметить и выход некоторых советизмов из активного употребления: техникум, курс, институт, которые ныне именуется как коллеж, дамжаа, их сургууль.

Быстро растет параллельное употребление терминов улсын өмч=нийгмийн өмч=төрийн өмч; хүмлэг ардчилсан нийгэм=хүрдүүлэгч ардчилсан нийгэм, үндсэн хууль-их цааз=их засаг; дарга =ерөнхий зохицуулагч и др. Такое параллельное сосуществование, носящее временный характер, связано с значительными изменениями в языке, обус-

довленными внешними факторами, главным образом изменениями в социальной структуре общества.

Приведенные примеры красноречиво говорят о наглядном отражении социально-экономических изменений в языке, усиливая процесс его терминологизации. Характерны для терминообразовательной системы монгольского языка современности, как отмечает крупный монголист Г.Ц.Пурбеев, "общее сжатие во всем системе - увеличение регулярности терминообразовательных моделей, повышение продуктивности почти всех способов средств словообразования, расширение терминообразовательной базы" [9^а].

Несмотря на большие успехи в терминотворчестве, нам, монгольским специалистам, следует оперативно решить такие актуальные вопросы как унификация и упорядочение терминов; устранение ненужных параллелизмов в терминологии; замена устаревших терминов более современными; уточнение и дифференциация значения терминов; осуществление контроля за правильным употреблением утвержденных терминов; содействие повышению общей культуры речи в связи с внедрением терминов в различные отрасли знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гандуй Э. Орчин цагийн монгол нэр томъёо. УБ., 1966.
2. Дандиоүрэн Ц. Монгол хэл бичгийн тухай. УБ., 1957.
3. Дашдаваа Д, Равдан Р. Нэр томъёоны тухай. УБ., 1960.
4. Догоүрэн Ч. Монгол нэр томъёог оноох, толилох, жигдлэх асуудалд. УБ., 1989.
5. Лувсанвандан Ш. Орчин цагийн монгол хэлний үгийн сангийн зарим асуудалд. УБ., 1962.
6. Лувсандэндэв А. Гадаад уг хэрхэн бичих асуудалд. УБ., 1959.

7. Мижиддорж Го. Галлология в лексике монгольского и маньчжурского шовменных языков. - Теоретические проблемы восточного языкознания. М., 1982.
8. Наранчигов Ш. Основные этапы развития и формирования общественно-политической терминологии современного монгольского языка. Дисс. канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1986.
9. Пурбеев Т.И. Современная монгольская терминология. Улан-Удэ, 1984.
10. Ринчен Б. Малее хайрлан змиршил, үгийн боловсролт эрхэмдэг, УБ., 1980.
11. Солонго В. Современная монгольская научная терминология. ОУНЭ их хурал. Т. 607, УБ., 1980.
12. Тенорцарен Т. Нар толгоонд шинжтэвч зарим асуудал. УБ., 1981.
13. Цандарсүрэн Ц. К вопросу совершенствования терминологии современного монгольского языка. ОУНЭ IV их хурал.
14. Цандарсүрэн Ц. Монгол хэлний терминологийн тухай. УБ., 1982.

ИСТОЧНИКИ МОНГОЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XI-VIII ВВ. КАК ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Самые ранние дошедшие до нас памятники монгольской письменности относятся к XI в. Древнейшим из них считается "Камень Бэунке", называемый также "Чингисов камень" или "Надпись на Чингисовом камне", так как в первой строке надпись читается имя Чингиса. Однако основное содержание надписи прославляет вождя Бэунке, который выстрелил из лука на большое расстояние, и в честь

этого события в окрестностях Караурина была воздвигнута с соответствующей надписью памятная стена. Впервые об этом камне, обнаруженном в Нерчинском округе в Забайкалье в 1918 г., сообщил Г.И. Зластин в журнале "Сибирский вестник". В 1932 г. он был перевезен в Петербург, где находится и поныне в Эрмитаже. Исследование его запискильцов А.А. Сидит, Л. Санзаров, А. Шенкина [1, с. 31]. На самом камне даты, когда была вписана надпись, нет. Однако ученые по содержанию текста пришли к заключению, что она, вероятно, была сделана в 1325 г. [18, с. 1-3].

К этому делу относятся незначительное количество сохранившихся до наших дней фрагментов канон, написанных на каменных печатях. Одним из них является печать Гунж-хана, бывшего ханом в 1346 г. В 1933 г. она была опубликована и исследована П. Петлю [18, с. 13].

В 1931 г. в секретном архиве Ватикана была обнаружена грамота Ит хана Абата католическому папе. Эта надпись грамоты не известна, указано только, что это было в год Сайца. А поскольку, как известно, Абата правил с 1365 по 1369 гг., годами Сайца в это время были 1367 и 1373, следовательно грамота была написана в каком-то из этих годов [18, с. 34].

В 1931 г. французский ученый Abel Renizat обнаружил в архиве письмо хана Аргуна, отправленное в 1399 г. французскому королю Филиппу Красивому. Это исследование также К.А. Сидит, В.Л. Могвиц [1, с. 34].

Папа Николай IV дважды, в 1383 и 1389 гг., писал письма Ит хану Аргуно, надеясь обратить его в католическую веру. В 1921 г. в секретном архиве Ватикана была обнаружена последняя часть ответного письма Аргунхана, отосланного летом 1390 г. В этом же году было обнаружено и письмо Газан-хана Бонифацию Восьмому, отно-

связанные уже к самому началу XIV в. [1302 г.], в котором обсуждались сроки совместного похода на Египет [18, с. 56].

К самому древнему периоду относятся также охранная грамота, выданная Ил ханом Аргунем в 1291 г., серебряные пайцзы с монгольским текстом золоторыцких манов, круглая бронзовая пайца с монгольским текстом, рядом с которым имеется текст на квадратном монгольском письме (подробнее см. [1, с. 34-35]).

Памятников уйгуро-монгольской письменности, относящихся к XIV в., сохранилось уже значительно больше [см. I, с. 35-36]. И одним из самых замечательных среди них является относящаяся к раннему периоду Сю-Цзин (seung swing) "Книга смысла почтения".

С древнейших времен монголы переводили с других языков, в том числе и с китайского, различные исторические, философские, дидактические произведения. Одним из таких переводов и является Сю-Цзин, древнейшее китайское сочинение, переведенное на многие языки Востока.

История обнаружения монгольского текста связана с именами В. Лурса и А. Мостаерта. В 19 г. работы восточника 1938-1940 гг. появилась их небольшая статья, содержание которой касалось одного оказавшегося оторванным листа, найденного В. Лурсом несколькими годами ранее в Пекине. Этот лист принадлежал неизвестному до сих пор двуязычному заданию Сю-Цзин. Он представлял собой китайский текст, разбитый на предложения, за каждым из которых следовал монгольский перевод на уйгуро-монгольском алфавите. А. Мостаерт перевел монгольский текст и высказал предположение, что со стороны словаря и грамматики текст, возможно, относится к периоду Ваней [16, с. 224].

В 1948 г. в этой же серии [II, с. 33-34] В. Луко опубликовал статью, в которой сообщалось об обнаружении в Дворце-музее в Пекине полного экземпляра Сюэ-цзин и давал его описание. Таким образом, была найдена редчайшая и единственная в своем роде изданная на монгольском языке книга каньского периода. Это непревзойденный по своему значению памятник древнего монгольского языка классического периода, который ученым ныне раскопают. В 1954 г. В. Мейсцит опубликовал фототипиз этого текста. Монгольский ученый Х. Лувсанбалдан, который, находясь в 50-х годах в Пекине, приобрел микрофильм памятника, первым подверг критическому изучению монгольский текст и в 1961 г. издал монографию "Ачтанг номин гундай" ⑥ "Книга почитания родителей" [1, с. 1].

За публикацией Х. Лувсанбалдана последовали и другие работы, посвященные Сюэ-Цзин. Венгерский ученый проф. И. Жигети, основываясь на маньчжурские тексты, изданного Х. Лувсанбалданом, опубликовал в 1965 г. предварительную транскрипцию монгольского текста [13, с. 9-37], а в 1972 г. ее более совершенный вариант [14, с. 77-104]. Но как пишет М. де Раневильи, транскрипция И. Жигети, хотя и представляет определенное улучшение с таковой Х. Лувсанбалдана, все же содержит ошибки в прочтении некоторых букв и поэтому не может считаться окончательной [15, с. 17].

В 1973 г. журнал Zentralasiatische Studien опубликовал более отчетливый текст Сюэ-Цзин с кратким предисловием [5-а, с. 159-237]. В 1982 г. М. де Раневильи снова издает текст, предпослав ему подробное введение, транскрипцию, перевод на английский язык и примечания к переводу [16, с. 9-109].

Д. Дигети вновь возвращается к этому памятнику и в 1984 г. публикует статью, в которой рассматриваются орфографические особенности текста, предлагается новое чтение или уточняется перевод отдельных мест, высказываются некоторые замечания по поводу публикации И. де Ракевильца и подчеркивается, что грамматические особенности данного монгольского текста заслуживают специального исследования [15, с. 303-34]. Ряд публикаций по отдельным главам Сяо-Цзин принадлежит А. В. Кливсу [3; 4; 5]. Переводчик/и/, как отмечают исследователи, допускали большую свободу в превращении китайского текста в монгольский, поэтому последний не является буквальным воспроизведением китайского оригинала, а представляет собой его пересказ или интерпретацию. Такая свобода в изложении китайского текста делает монгольский перевод более ценным как образец монгольского языка каньского периода. И хотя с самых первых дней своего обнаружения этот замечательный памятник стал объектом исследования многих ученых разных стран мира, работа по его изучению далеко не завершена. Древний период истории монгольской письменности изучен еще крайне слабо, поэтому текст Сяо-Цзин должен стать объектом более тщательного изучения всех его грамматических и лексических особенностей.

К наиболее крупным памятникам монгольской письменности XIII в. относится и серия двуязычных китайско-монгольских текстов, публикация которых с комментариями осуществлена в 1949-1952 гг. А. В. Кливсом.

Первой подготовленной к печати и опубликованной была китайско-монгольская надпись 1362 г. [16]. Эта публикация представляет собой исправленный и дополненный вариант докторской диссертации автора, представленной на защиту в 1942 г. в Гарвардском университете

в Кембридже. Данная надпись является одной из нескольких двуязычных памятников времен правления Тогона Темура, последнего императора юаньской династии. Стела 1363 г. представляет собой уникальный источник по генеалогии и истории семьи тюркского происхождения, которая служила монгольским правителям в течение пяти поколений. Единственным членом этой семьи, имя которого Д.В.Хливе нашел в официальных документах юаньской династии, был Орон, благодаря заслугам которого перед императором, его отцу Минду был посмертно присвоен княжеский титул, пожаловано поместье и по приказу императора была высечена надпись на камне. Переводчик, хорошо знавший историю и литературу своего народа, при переводе китайского оригинала снабжал его комментариями. А сам монгольский текст представляет собой прекрасный образец письменного монгольского языка 3-ей половины XIV в.

Вторым исследованной Хливым, но первой по составлению, была надпись 1365 г. [7]. Значение этого двуязычного памятника также неоспоримо как источника по истории юаньской династии и как материала по древнемонгольскому письменному языку. По содержанию текст 1365 г. представляет собой генеалогия и историю семьи китайского происхождения, служившей монгольским правителям на протяжении пяти поколений. Как и стела 1363 г. эта была установлена и на ней был высечен текст в честь отчуждена этой династии, сын которого имел неоспоримые заслуги перед монгольским императором. Надпись ценна и тем, что благодаря монгольскому переводу стали известны первоначальные монгольские формы собственных имен монгольского происхождения, которые давались членам этой семьи.

Неоспоримо значение и надписи 1368 г. как исторического и лингвистического памятника [8]. Это уни-

Кальный источник по генеалогии и истории монгольской семьи по крайней мере в трех поколениях. Благодаря заслугам одного из сыновей этой семьи отцу его по-смертно была оказана честь императором Тогон Тэмуром и в связи с этим воздвигнута стела.

Китайско-монгольская надпись 1646 г. — четвертая исследованная Клизовым [19]. До этого фрагменты ее были восстановлены Радловым, Ноткичем, Нопле. Текст надписи также является образцом монгольского письменного языка XIV в. Кроме лингвистического аспекта надпись представляет интерес и для изучения истории буддизма в Монголии, так как является единственным источником тех времен по описанию современного буддийского храма в Каракоруме, который был заложен еще Угэдэем ханом в 1220 г.

К образцам древней монгольской литературы и монгольского языка каньского периода относится и текст "двенадцать деяний Будды", публикацию с примечаниями и английским перевод которого осуществил Н. Нопле [17]. Считается, что это слегка сокращенная версия *balitavistara* [17, с. 17], составленная по-видимому в XIV в. Сондаи Одоэром, известным монгольским ученым и переводчиком буддийских книг. В XIV же веке текст был переведен на монгольский язык по поручению императора Лоун Тэмюра (1393—1328). Монгольским перевод сохранился неполностью, а только 2-ой том с VI гл. до IX, что соответствует VI—VIII главам *balitavistara*. Монгольским текст был обнаружен А.И. Позднеевым. И хотя он не является оригиналом XIV в., а его копия XV в. он, по словам Н. Нопле, является шедевром монгольской каллиграфии того времени [17, 19] и содержит как древнюю лексику, так и драматические формы, характерные для доклассического монгольского языка.

уіаіа ІІІ, с. ІІІ] "потомки, будущие поколения" при
союзі "следующий, будущий, грядущий; последующий";
дегедіа "предки; знать" при дегеді "высший, верхов-
ный" употреблялось и в значении "император": ... ке-
регін іаіа Заргезгес дегедіа=е епа кеті зоулгауауа-
гад... [8, с. 55] "...они его Заргезгес они таким об-
разом почитаем Императором...".

Субъект мн.ч. на =и употреблялся и с атрибутив-
ными прилагательными "...тедєкін ірген імауі каті
канділіа ајууі [7, с. 73] "...иди, находящиеся там,
очень почитали его" - тедєкін мн.ч. от тедєкі
"находящийся там, тамонный". Ср. ...декекі дегерєкін
ірген [13, с. 117] "народом воззванием" - дегерєкі ат-
трибутивная форма на =кі от дегере "наверху, вверх".

В одной из якутских надписей элевно отмечена
форма на =іху=а от іаа= - основом косвенного падежа
местоимения і "он, она": ...ні=кер нїлес=і імауу=а/
еветїліа ајууі [7, с. 73] "...обсуждал с ним какие
дела".

В описываемых текстах наследуется довольно частая
препозиция местоимения апа, что характерно только
для древнего языка: апа орди дотора... [8, с. 5] "
"...в их дворце"; ...апа багуаапа=а гадапа... баууу-
зап ајууі [3, с. 54] "...покорными за пределами их
города"; в современном языке в таких случаях всегда
постпозиция .

Наряду с инклюзивной формой личного местоимения
бїда "мы" употреблялись и эксклюзивная ба : тегїбер
ба нїледїгсен заїд нїлес=і апа јергебер угїдегед...
[7, с. 77] "потому мы, рассказав по порядку добрые
дела, которые они осуществили..."; едїге ба одсу
гарїуул=ун сїдагу=ун кеме... [17, с. 38] "... если
мы сейчас отправимся, сможем ли вернуть его ?".

Использование словоформы мод (в совр. языке
"дерево") в значении мн.ч., например, ...исїген мод=і

суйур егидкү, уеке моѳ=i нирүүн туйуа болуақи=а
 јавуауһсан метү [3, с. 56] "... это подобно решению
 маленькие деревья сделать хурами (сидиковый музыкаль-
 ный инструмент - HO), большие деревья сделать балками
 и подпорками" свидетельствует о существовании в про-
 слом не зарегистрированной для ед.ч. формы * $\text{no}[\text{h}]$. Ср.
 в "Сокровенном сказании" § 223 моѳi "модочник, старар"
 в современном языке модочни.

Интерес представляют и случаи устроения гла-
 гольных форм = $\text{ci}[\text{g}]/=\text{ʔi}[\text{g}]$, указывающих на признаки мен-
 ского рода (действие совершается лицом или в пользу
 лица женского пола): $\text{gergei ina Gan } \text{ci}=\text{ʔi} \text{ ʔin} \text{ ʔoo}$
 $\text{qin wasin ner}=\text{e } \text{ʔo}[\text{g}i]$, $\text{ʔo}[\text{qin}=\text{a } \text{wasin } \text{ʔi} \text{ ʔui } \text{wasin}$
 $\text{ner}=\text{e } \text{wangsinglausan } \text{ʔi}[\text{g}i]$, с. 74 "Его суйурте
 Танк ин он (император) покáловал витү $\text{ʔi} \text{ ʔin} \text{ ʔoo } \text{ʔui}$
 wasin . После этого он снова покáловал витү $\text{ʔi} \text{ ʔui}$
 wasin ".

В тексте "Сокровенного сказания", как известно,
 также зарегистрирован ряд глагольных форм, указываю-
 щих на женский пол. Эти данные могут свидетельствовать
 о возможности наличия в слоготе древнемонгольского
 языка навороти грамматического рода.

1. Владимирцов В. М. Грамматическая грамматика древнемонгольского языка и халхского наречия. Введение и фонетика. Л., 1923.
2. Лувсанболдан К. Ахлалт номин тухал. Улаанбаатар, 1952.
3. Cleaves F. W. The first chapter of an early mongolian version of the Maiko ching, - Acta Orientalia, 1926, 2, LXXVI(1-3), 1962.

6. Cleaves F. T. The second chapter of an early mongolian version of the Hsiao ching. - Monumenta Barbarorum. Festschrift für Walter Weisig zum 70. Geburtstag. Wiesbaden, 1963.
7. Cleaves F. T. The eighteenth chapter of an early mongolian version of the Hsiao ching. - Harvard Journal of Asiatic Studies 7. 19, 1955.
8. Der Blockdruck des Hsiao ching aus dem Palastmuseum in chinesischer und mongolischer Sprache. - Zentralasiatische Studien 7. 12, Wiesbaden, 1971.
9. Cleaves F. T. The Sino-Mongolian Inscription of 1362. MJAAS, 1949, 7. 12, p. 1-2.
10. Cleaves F. T. The Sino-Mongolian Inscription of 1355. MJAAS, 1950, 7. 13, p. 1-2.
11. Cleaves F. T. The Sino-Mongolian Inscription of 1378. MJAAS, 1961, 9. 14, p. 1-2.
12. Cleaves F. T. The Sino-Mongolian Inscription of 1346. MJAAS, 1952, 8. 11, p. 1-2.
13. Sachs W. und Mostaert A. Ein Ming-Druck einer chinesisch-mongolischen Ausgabe des Hsiao-ching. - Monumenta Serica 3 4, Fasc. I, 1939-1940.
14. Sachs W. Analecta zur mongolischen Übersetzungsliteratur der Yuan-Zeit. Monumenta Serica, Vol. IX, Fasc. I, 1946.
15. Weisig W. Die Peking-er lamaistischen Blockdrucke in mongolischer Sprache. Materialien zur mongolischen Literaturgeschichte. Wiesbaden, 1954.
16. Ligeti L. Preklasszikus emlékek 2. XIII-XVI. század, és a XVII. század mongol nyelvemléktár IV. Budapest, 1965.
17. Ligeti L. Monuments préclassiques I: XIIIe-XIVe siècles. Monumenta Linguae Mongolicae collecta II. Budapest, 1972.

15. Ligeti L. A propos de la traduction mongole preclassique du Hiao-king. - Acta Orientalia. Hung. T. XXXVIII, Fasc. 3 Budapest, 1984.
16. Rachewiltz Igor. The preclassical mongolian version of the Hsiao-ching. - Zentralasiatische studien. V. 16, Wiesbaden, 1962.
17. The Twelve Decads of Buddha, mongolian version of Lalitavistara, mongolian text, notes and english translation by N. Poppe. Wiesbaden, 1967.
18. Uyjurčın mongğol usug-ın durasqaltu bicig-i. Begeking, 1983.

Г.Д. Дурбаев

ИСТОРИКО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ГЕНТИВНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

Известно, что всякое историко-типологическое исследование опирается на принцип "что было и что стало", поэтому в отличие от сравнительно-исторических studies оно имеет не ретроспективную направленность, а пероспективную: от прошлого к настоящему (1, с. 4). Специфика историко-типологического исследования заключается также и в том, что оно оперирует главным образом наличием в данной группе языков моделизм, устанавливая их хронологическую стратификацию (2, с. 4). При этом существенное значение приобретает задача выявления как совпадений, так и несходств в генитивных родственных языках (3, с. 155).

Исходя из этих положений, рассмотрим атрибутивные словосочетания генитивного типа, которые в монгольских

языках относятся к типу связей употребительных и разнообразных по характеру выражаемых синтаксических отношений. Основным средством грамматической связи между компонентами служат аффиксы род.падежа, который принимает формы множественного числа, выступающие в функциях определения по времени. Это свидетельствует о том, что в словосочетаниях данного типа преобладает односторонняя, т.е. латентная связь, которая находит свое выражение в управлении зависимого, определяемого имени в форме генитива со стороны определяемого имени или главного компонента по форме построения и семантической односторонности: аффиксы род.падежа, представляя собой определенную грамматическую конструкцию, образуют с определяемым словом единичную семантическую связь, которая реализуется в виде латентной связи, т.е. связи, не выражаемой открыто, а лишь подразумеваемой.

Словосочетания с именами существительными в род.падеже реализуют в рамках связи определительно=прилагательных отношения между ряд конкретных синтаксических значений. Так, в составе словосочетаний латентного типа нами установлено 44 регулярных модели, в которых находят свое выражение определительно=количественные, определительно=локативные, определительно=количественные, определительно=выделительные, объектно= и субъектно=определятельные, а также другие виды отношений.

Имея возможности охарактеризовать особенности всех моделей генитивных конструкций, ограничимся анализом лишь некоторых из них. Здесь важно отметить, что наши наблюдения и выводы строятся с учетом материала письменных памятников среднемонгольского, классического монгольского, ойратского языков. Наряду с этим приводятся данные из старобурятских и старокалмыцких текстов.

Что касается современных языков, то привлекаются примеры из халха-монгольского, бурятского и калмыцкого. Из широкого круга генитивных конструкций прежде всего выделяются словосочетания, между компонентами которых существуют собственно-посессивные отношения, в частности отношения владельца и вещи. В такого рода структурных образованиях зависимое слово обозначает лицо, которому принадлежит одушевленный или неодушевленный предмет, обозначенный определяемым словом: среднемонг. Борсодул-ин йергад СС § 314 "жена Борохто", еке-уин инже СС 48 "приданое матери"; классич. заван-и туй АТ II, 174 "знамя кагана"; оират. көбийнй өвчүлүг ТД, 334 "пуч, перья волос ребенка"; старобур. көдүс-ин йегерис III, 36 "место людей"; монг. аавын малгай "шапта ома", оир. Радийн гэр"үртэ, дом Радий", калм. эгчин алачур "платок сестры".

Подчиненный компонент собственно-притяжательных словосочетаний обозначает не только отдельное лицо, но и социальную группу людей, этническую общность, а также страну, учреждение или организацию, которым принадлежит кто- или что-либо: среднемонг. жөкүс-ин нийтаг СС § 138 "кочевье меркитов", классич. алуада-ин балазад АТ II, 118 "города уйгуров", оират. буина-дуйн эврег ТД, 336 "армия, войско оиратов"; монг. нэгдэлийн адуу "табуи объединения", бур. колхозой гарн "колхозные дома", калм. шагга мал "населенный, государственный скот".

Определенной семантической раскованностью словосочетаний, выражающих посессивные отношения, является конструкция, где зависимый компонент в род. падеже указывает на лицо (живое существо вообще), к которому имеет непосредственное отношение другой предмет: среднемонг. жоринад нагуа] МАА, 227 "конский помет",

казач. *saɣarɨ=an* *saad* МТ II, 16 "туземные перья",
бурят. *soɣoljɨnɨ* *ɣar* III, 17 "гнездо журавля, журав-
лятник", старобур. *ilci=nar=i* *saɣar=a* III, 115 "снут-

...
... в старобурятских текстах показателъ род. падежа
выражается не только после имен, означивающихся на
этом, а. 10), но и на другие согласные.

Сначала на это явление обратил внимание Л. В. Ин-
дзадзе, который считает, что употребление показате-
ля *-i* в дательных оленгинских и баргузинских бурят
имеет древнерусский характер. Ср. старобур. *saɣarjɨn=i*
"гнездо журавля (=и) журавля" "Баргузинская гора" (5,
с. 145).

В старобурятском, для которого отличным особен-
ным признаком, очень близко примыкает ко всем
...
... первый компонент обозначает определенную
группу людей, коллектив, учреждение, организацию, к
которым имеет какое-либо отношение лицо или предмет,
названный вторым компонентом: *ɣeɣɨnɨnɨnɨ* *ɣɨɣɨnɨnɨnɨ*
ɣeɣɨnɨnɨnɨ III § 31 "лица, участвующие в свадьбе", *ɣeɣɨnɨnɨnɨ*
ɣeɣɨnɨnɨnɨ III, 196 "монашеский створок, ок-
ранный", старобур. *saɣarɨɣɨnɨnɨnɨ* *ɣaɣɨnɨ* III, 166 "учи-
тель школы"; *ɣeɣɨnɨnɨnɨ* "член партии".

В современном бурятском языке особенно актив-
изовались и стали широко употребляться словосочета-
ния, в которых выражаются отношения лица к обществен-
ным организациям (5, с. 230). Этот процесс характер-
ен и для современного калмыцкого языка. Причем слова,
обозначающие учреждения, предприятия и организации,
а также нередко и названия лиц, имеющих к ним отноше-
ние по должности, специальности и профессии, занят-

взвучиваются из русского языка. Ср., например, бур. совхоз-
ной директор, калм. театрий артист.

В текстах памятников среднемонгольского, а также
классического и оиратского языков встречается немало
примеров, когда подчиненный и подчинивший компоненты
собственно-притяжательных и определительно-притяжа-
тельных словосочетаний согласуются, оформляясь ас-
сами им. числа. Определение и определяемое в таких слу-
чаях принимает показатели множественности при следу-
ющих условиях: 1) когда обладателем и соответственно
предметом обладания много - классич. stegec=an Цзес
AT II, 67 "слова старейшин", жузиандуца=ан Коберц ВУ,
565 "сынвья зайсангов"; 2) когда количество лиц и
соответственно организации или пунктов, в которых они
имеют определенное отношение, много: эрднемонт.

учаши=ад=ан Коуца II, 55 "книжка канцелярии", байа-
уца=ан Чагунас II, 34 "даруги городов" (даруга -
уполномоченный монгольского канского двора в покорен-
ных областях), классич. отов=ад=ан Уолд=ансар В", 531
"главы розов".

В притяжательных словосочетаниях указанным типом
используется и комбинированный способ выражения мно-
жественности. В этом случае значение множественности
определяемого компонента передается аффиксом, а мно-
жественность определяющего компонента - синтаксичес-
кой, т.е. сочетанием имени в род. падеже с его основой:
эрднемонт. цимаз айлап=ан отогас III, 35 "старейшины
каждого из аймаков", оират. стос отогдийн тэймеа
II, 44 "чиновник каждого из уделов"; монг. газар га-
зарин хүн "люди из отдельных, разных мест". Таким
способом выражается значение раздельной, Distribu-
тивной множественности.

Одним из наиболее распространенных в монголь-
ских языках типов генетивных конструкции являются

субстантивные словосочетания, выражающие выделительные отношения. Определяемый компонент в таких словосочетаниях бывает представлен субстантивированным прилагательным или числительным: классич. *degenet-un lilq-a* АТ II, 28 "меньший из младших братьев", монг. *оэгни зарим нь* "некоторые из студентов". Атрибутивный компонент может выражаться существительным, местоимением, числительным, а в монгольском языке и в текстах письменных памятников еще и субстантивированным причастием на *-гсан* в форме род. падежа или числа: *хурагдагсдын олонги нь* "большинство участников собрания".

Словосочетания, в которых реализуется выделительные отношения, используются прежде всего для того, чтобы из числа однородных предметов выделить какой-то один предмет или часть из них. Кроме того, данный тип словосочетания находят применение и в тех случаях, когда один из предметов наделяется таким качеством, по которому он превосходит все другие: классич. *сигин-ун бегеса (сарин)* АТ II, 2 "самая лучшая сватья", отанкати. *mekesijin abbu* КСЯ, 55 "хитрец из хитрецов".

В научной литературе уже отмечалось, что инверсия прилагательного придает своеобразный оттенок логического выделения, актуализации того или иного признака предмета, что вызывает постановку определения после определяемого (7, с. 168), например: бур. *хубсаһана найинни үшэхэ* "одевать лучшее из одежды". В подобных случаях между именем существительным и прилагательным допускается вставка слов=интенсивов, с помощью которых выделяемый предмет наделяется самой высокой степенью качества. Ср.: монг. *горьдын хамгийн мурдмт нь шили авах* "выбрать самую быструю из лошадей", бур. *хубсаһанаа эгээ найинни үшэхэ* "надевать самое лучшее из одежды", отанкати. *nodva ka tui (s)du-*

В словосочетаниях с суперлативным значением компонента, выраженные субстантивированными прилагательными и существительными, могут повторяться: "в первый раз в форме род. падежа, во второй - в форме первой основы" (8, с. 169): калмыч. *сэуи́н-и сэуи́н* (монг. *санн санн*, бур. *Һалһы Һалһы*, калм. *сэвни сэвни* "лучший из лучших"). Такие конструкции весьма показательны для фольклорного стиля, например: калм. *бичгин бичт кур* "волшебное=целительное лекарство, корень хоря эм "ядовитое=предъявленное лекарство" (из эпоса).

Определяемый компонент в конструкциях с род. падежом имени может сопровождаться частицей личного приращения *нь* (калмыч. *ньи*, *ини*) "его, ее, их", которая усиливая и подчеркивая идею принадлежности чего-либо предмету или лицу, в предложении выполняет функцию показателя подлежащего: калмыч. *сэуи́н-и сэуи́нсан-ани* "мужество хана, царя" (досл. хана мужество=его), *кәһ-һи сэуи́н-иһи* "пальцы ног" (досл. ног пальцы=его), монг. *Болдин нас нь* "возраст Бодна", калм. *кэвчһа хинитһи* "руфана мальчика".

Постоянная атрибутивная функция имен существительных в род. падеже создает определенное предположение для постепенного изменения их категориального статуса и перехода в разряд относительных прилагательных. Указанная тенденция прежде всего наблюдается в тех группах словосочетаний, где лицо или предмет, выраженные в определяемом, характеризуется со стороны предмета=определения, оформленного род. падежом имени, по таким признакам, как: (1) источник происхождения: монг. *ургамин тос* "растительное масло", бур. *худагай уһан* "колодезная вода"; (2) место, пространство: монг. *ханһи сонин* "стенная газета", калм. *ууһы кчһ* "горец, человек, живущий в горах"; (3) отношение к кому=, чему-либо: монг. *ардын багһ*, бур.

арадай багна "народный учитель"; (4) время: монг. сарин ажил "месячная работа, бур. хабарай тарилга "весенний сев", калл. зуна хувин "летняя одежда"; (5) назначение: монг. шижийн морь "прямоугольная лошадь", бур. самн халбага "чайная ложка", калл. зурна эм "лекарство для сердца или сердечное лекарство".

Эти и многие другие аналогичные примеры дают исследователям повод говорить о потенциальной способности форманта род. падежа выполнять словообразовательную функцию и выступать в роли суффикса прилагательного (9, с. 202-207). Монголисты, занимающиеся изучением системы словообразования, все более склоняются к точке зрения, согласно которой формант род. падежа относится к области синтаксической деривации, а его значение зависит от контекста (10, с. 129).

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Макаев Э.А. Сравнительная, сопоставительная и типологическая грамматика // ВП, 1964, I.
2. Баскаков Н.А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. Словоосочетание и предложение. ..., 1975.
3. Будагов Р.А. Сходства и несходства между родственными языками. Романский лингвистический материал. М., 1985.
4. Доржиев Л.Н. Язык старомонгольской письменности. Дурятия. Автореф. канд. дисс. М., 1985.
5. Чинендамбаев Ц.В. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972.
6. Шагдаров Л.Д. Функционально-стилистическая дифференция бурятского литературного языка. Улан-Удэ, 1974.
7. Дарбеева А.А. О субстантивном употреблении имен прилагательных в бурятском языке // Филология и история монгольских народов. М., 1957.

8. Занжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I, М., 1966.
9. Чариков С.Д. Морфанта родительного падежа в роли словообразовательных суффиксов в бурятском языке // Лингвистические исследования. М., 1985.
10. Строева Е.А. Закономерности развития казахского языка в советскую эпоху, Словообразовательная система. Алмата, 1973.
11. Косин С.А. Сокровищное сказание. Монгольское издание 1910 г. под названием *ᠰᠢᠨᠭᠤᠮᠤᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ* *ᠰᠤᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ*. Под ред. Спир. М.-Л., 1941.
12. Понке Н. Монгольский словарь *ᠮᠤᠮᠠᠨᠠᠨᠠᠨ* *ᠠᠨᠠᠨᠠᠨᠠᠨ*, ч. I-II, М.-Л., 1938.
13. Григорьев А.П. Монгольские диалекты III-IV вв. (лингвистические исследования грамматики). М., 1968.
14. Altan Tucci. *ᠮᠤᠮᠠᠨᠠᠨᠠᠨ*, 1947.
15. Индандамбаев Д.В. Бурятские колдовские песни и родословные. Улан-Удэ, 1972.
16. Их цааз (Великое уложение). Памятник монгольского феодального права XIII в. Ойратский текст. Перевод, введение и комментарии С.Е.Дильцова. М., 1937.
17. Калма жирум. Памятник монгольского феодального права XIII в. Сводный текст и перевод Д.А. Самцарано. Подготовка текста и издание, редакция перевода, введение и примечание С.Е.Дильцова. М., 1965.
18. Лувсанбалзан Х. Тод Усгийн дурсгалууд (Памятники ойратского ясного письма). Улан-Батор, 1976.
19. Позднеев А. Казахско-русский словарь. СПб., 1911.